

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт экономики, управления и природопользования
Кафедра управления человеческими ресурсами

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

_____ И.П. Воронцова

Подпись инициалы, фамилия

« ____ » _____ 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Интервью как конфликтная конструкция

37.04.01 Психология

37.04.01 Конфликт-менеджмент

Научный руководитель _____

канд.псих.наук, доцент Т.И. Юстус

подпись, дата

Выпускник _____

А.С. Глушкова

подпись, дата

Рецензент _____

канд.псих.наук, доцент К.С. Калиновская

подпись, дата

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. Интервью: основные понятия.....	6
1.1. Определение термина «интервью», основополагающие признаки. Интервью как жанр журналистики и метод сбора информации.....	6
1.2. Конфликт в журналистском интервью.....	23
2. Конфликт и конфликтная конструкция с точки зрения конструктивной психологии конфликта.....	27
3. Исследовательская часть.....	33
3.1 Анализ телевизионных интервью как конфликтных конструкций.....	33
3.2 Обобщение полученных данных.....	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	75
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	76

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования определяется той важной ролью, которую играет телевизионное интервью сегодня. Это один из самых популярных телевизионных жанров и наиболее распространенный метод сбора информации в работе журналиста.

Однако многие исследователи отмечают, что существующих знаний о технологии проведения интервью недостаточно. И связано это, прежде всего, с междисциплинарным аспектом, который начал осознаваться сравнительно недавно.

Так, например, С. А. Муратов отмечает: «Вступая в общение, телевизионный журналист – хочет он этого или нет – становится своего рода психологом» [6, с. 15].

При этом исследователи подчеркивают, что интервью – это не только метод сбора информации, не только форма коммуникации, но специфическая ситуация общения, требующая от журналиста специальных знаний, в том числе и прежде всего знаний в области психологии.

Мы предполагаем, что телевизионное интервью как специфическая ситуация общения изначально связана с конфликтом. Журналист и его собеседник в психологическом плане находятся по разные стороны «баррикад». Один владеет информацией, но не стремится ей делиться, а другой не обладает ей, но желает получить.

Эта ситуация обостряется тем, что журналист в данном случае – не конечный получатель информации, а посредник между гостем в студии и зрителем, человеком у экрана. Мы предполагаем, что от такого, каким образом и в какой форме будет налажено взаимодействие между журналистом и его собеседником, и будет зависеть качество интервью.

Мы предполагаем также, что журналист может сознательно конструировать конфликт как способ достижения нового уровня общения с собеседником и получения качественно новой информации.

В своем исследовании мы рассмотрим конфликт в телевизионном интервью в русле культурно-исторической психологии (с позиции конструктивной психологии конфликта)

Теоретико-методологическими основаниями различных аспектов данного исследования явились: 1) исследования отечественных авторов, непосредственно посвященные конфликту Б.И. Хасана, П.А. Сергоманова, А.Я. Анцупова и др.);

2) работы в области теории журналистики и коммуникации (С.Г. Корконосенко, Г.В. Лазутина, Г.Г. Почепцов, А.А. Тертычный, М.М. Лукина, Г.С. Мельник).

Цель исследования: Выявить действия, за счет которых журналист конструирует интервью как конфликт.

Мы исходим из того, что интервью может рассматриваться как конфликтная конструкция.

Наша гипотеза: Мы предполагаем, что в основе интервью лежит один из 3 типов предмета: 1) образ интервьюируемого; 2) отношение к общественно значимой проблеме; 3) информирование аудитории.

Задачи исследования:

- рассмотреть специфику телевизионного интервью как аналитического жанра журналистики и метода сбора информации;

- разработать критерии для анализа интервью как конфликтной конструкции;

- провести анализ телевизионных интервью;

- описать действия, которые выполняет журналист для конструирования конфликта в интервью в зависимости от определенного типа предмета конфликта.

Объектом нашего исследования является телевизионное интервью.

Предметом исследования – характеристики интервью как конфликтной конструкции.

В качестве материала исследования мы используем телевизионные программы, основанные на интервью с известными людьми: «Познер» (журналист – В. Познер, г. Москва), «Наедине со всеми» (журналист – Ю.Меньшова, г. Москва), «Актуальное интервью» (г. Красноярск), «Новости» на канале «СТС/-Прима» (журналист – Д. Абаджан, г. Москва), «Новости» на канале «ТВК» (журналист – И. Зайцев, г. Красноярск), программа «После новостей» на канале «ТВК» (журналист – И. Зайцев, г. Красноярск).

Выборка: непараметрическая, по решению. Записи телевизионных интервью с известными людьми, вышедшие в эфир с 2015 по 2017 год, всего 9 программ (клинический метод).

Интервьюеры отличаются по полу, профессиональному стажу, возрасту. Выбраны телепрограммы различной тематики, разного хронометража, с участием разных интервьюируемых, объединенные жанром интервью.

Основные методы исследования: конфликт-анализ, критериально-ориентированное наблюдение.

Результаты исследования дополняют знания о конструировании конфликта, психологической подготовке журналиста к интервью, а также могут послужить основой для расширения научных знаний об интервью в целом. Работа носит междисциплинарный характер.

1. Интервью: основные понятия.

1.1 Интервью как жанр журналистики и метод сбора информации.

Исследователи теории журналистики выделяют несколько определений термина «интервью». Это связано с тем, что интервью используются в журналистике и как один из основных методов получения информации (наряду с наблюдением и работой с документами), и как один из основополагающих жанров (при этом по своей специфике интервью может относиться и к информационным, и к аналитическим жанрам в зависимости от целей журналиста).

Так, например А.А. Тертычный отмечает: «Жанр интервью является результатом «закрепленности» в журналистском тексте формы получения автором этого текста определенных сведений о действительности с помощью метода интервью» [41, с. 115].

Приведем вслед за исследователем И.В. Ивановой основополагающие признаки интервью [12, с. 24]:

- целенаправленность беседы;
- предназначенность для распространения в разных видах СМИ;
- публичный характер разговора;
- общественная значимость персоны интервьюируемого;
- непосредственный контакт собеседников;
- диалогичность: вопросно-ответная форма;
- двуадресатность – предназначенность для информирования двух адресатов, то есть для воздействия не только на участников диалога, но и на читателя / зрителя [12, с. 9–10].

Вот несколько основных определений термина «интервью», которые приводит исследователь жанра М. И. Лукина:

«Интервью — беседа представителя печати с каким-нибудь общественным деятелем по злободневным вопросам, имеющим общественный интерес» [20, с.11]

«Интервью — жанр публицистики, беседа журналиста с одним или несколькими лицами по каким-либо актуальным вопросам» [20, с.12].

«Предназначенная для печати (или передачи по радио, телевидению) беседа с каким-нибудь лицом» [20, с.12].

Как отмечает исследователь, несмотря на то, что в этих определениях акценты расставлены на разных сторонах журналистского интервью — интервью-методе (способе сбора информации), интервью-жанре (форме предъявления информации), в каждом из них есть общий элемент, позволяющий сделать вывод, что интервью журналиста с собеседником есть разговор двух людей не просто для обмена сведениями, а с целью создания нового информационного продукта - актуального, общественно значимого, предназначенного для публикации.

«Журналистское интервью, будет ли оно напечатано как беседа или даст сведения для материалов других жанров, по своей природе представляет явление особой социальной значимости. Полученные в процессе его проведения сведения предназначены не только для удовлетворения любопытства участников разговора или ради личных, профессиональных, корпоративных целей. В интервью собеседники — журналист (интервьюер) и его партнер (интервьюируемый) — участвуют в информационном обмене для информационного насыщения главного, хотя и незримого, третьего участника коммуникации - аудитории», - пишет М.М. Лукина [20, с.16].

С учетом этого, она приводит более полное определение интервью: интервью — это межличностное вербальное общение для получения информации и производства нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества [20, с.17].

Таким образом, интервью в журналистике может использоваться для получения любых сведений - как фактических, вплоть до справочных, так и субъективных фактов сознания человека – мнений, всякого рода оценок.

Если обратиться к семантике английского слова интервью, то оно состоит из префикса *inter*, имеющего значение взаимодействия, взаимонаправленности, и слова *view*, одно из значений которого – взгляд, мнение.

Как отмечает исследователь В.Л. Цвик, в историческом аспекте ключевым жанром публицистики интервью становится в XIX в., в период бурного развития периодической печати, когда диалог приобретает широкое распространение в качестве способа получения общественно значимой информации из первоисточника (от ее носителя). Радио раскрыло дополнительные возможности жанра, включив в него третью сторону – аудиторию, ставшую реальным слушателем этого диалога [47, с.34].

Телевизионное интервью обогатило жанр существенным качеством – зрелищностью. В силу аудиовизуального характера телевизионной коммуникации источником информации становится уже не только звучащая речь со всем богатством ее риторики, интонационной, эмоциональной окраски (как на радио), но и мимика, жест, поведение собеседников, а нередко и окружающая их среда (интерьер помещения, ландшафт, окружающие люди и пр.). Именно зрелищностью объясняется особая достоверность и, как следствие, широкое распространение жанра интервью в телепрограммах.

Исследователь пишет: «Интервью для журналиста – это, с одной стороны, способ получения информации путем непосредственного общения с человеком, владеющим этой информацией; а с другой – публицистический жанр в форме беседы, диалога, в котором журналист на экране с помощью системы вопросов помогает интервьюируемому (источнику информации) как можно полнее, логически последовательно раскрыть заданную тему в процессе телевизионной передачи» [47, с.23].

О целесообразности использования жанра интервью В.Л. Цвик пишет: «Используют жанр интервью лишь тогда, когда интервьюируемый может сказать больше, чем журналист, или когда интервьюируемый своим выступлением поддерживает некую общественную кампанию, если данный вопрос стоит в центре внимания множества людей и требуется выяснить их взгляды (...) В идеале интервью на экране (за исключением ситуации официального характера) должно выглядеть как непринужденный разговор двух людей, один из которых более информирован по обсуждаемой теме» [47, с.89].

Журналистика предлагает несколько подходов к интервью. Они вырабатывались годами, как в практическом, так и в теоретическом поиске. В теории журналистики советского периода было принято рассматривать интервью в двух основных ключах - как метод сбора информации и жанр. В научной и учебной литературе 1970-1980 годов были представлены два подхода к изучению интервью - методический и жанровый. Первый рассматривал интервью в качестве инструмента сбора информации как вопросно-ответный метод получения сведений. Это, с одной стороны, существенно облегчало анализ родовых особенностей данного вида деятельности, но, с другой - не учитывало многообразия ситуаций, в которых оказывались журналисты во время подготовки и проведения интервью. При этом исследователи признавали некую ущербность подобного подхода и уязвимость его рекомендаций для практического применения.

Второй, так называемый «жанровый», подход - это рассмотрение интервью как метода организации текста со своей оригинальной структурой и формоопределяющими чертами. Он разрабатывался в системе координат жанров периодической печати. Интервью причислялось к информационным жанрам периодики, а его успешность, или эффективность, по мнению исследователей, зависела от идеологической подготовки автора [48, с.62].

Рассматривая интервью в двух плоскостях, исследователи искусственно расчленили творческий процесс. Они пытались механически описать его по строгим законам науки и упускали из виду, что природу журналистики надо искать на перекрестке разных сфер жизни - политики, массовой культуры, экономики, права, психологии. Кроме того, при таком условном делении от исследователей и авторов ускользали этические и нравственные коллизии, которые возникали в профессиональной деятельности журналистов и стоили большего внимания, чем их «партийная позиция» [48, с.68].

В 1980 годы была сделана попытка разрешить это противоречие - метод и жанр стали рассматривать в едином ключе диалектического взаимодействия. Однако целостный взгляд на интервью как процесс подготовки и производства информационного продукта так и не сформировался. Весьма эффективными оказались исследования идейно-тематической составляющей творческой деятельности журналиста, выделяющие поиск и разработку темы как своего рода пусковой механизм всей последующей работы. Однако советы и методические рекомендации, как проводить интервью; добиться успеха и сохранить свою индивидуальность; защитить общественный интерес и при этом избежать ненужного пафоса так и не сформировались.

Существовал и третий подход к интервью, разрабатываемый в контексте этических проблем творческой деятельности журналиста. Но и тут рассматривались лишь некоторые случаи профессионального общения, содержащие конфликты интересов ситуации и предлагались пути их разрешения, которые в тех исторических условиях представлялись автору этически верными. И в этом подходе превалировала идеологическая оценка ситуации, а критерием нравственности служили нормы партийной дисциплины.

Как отмечает Л. Парфенов, лишь в середине 1990-х годов появляются разработки, посвященные нравственным принципам журналистики. Они требуют от журналиста ответственности перед отдельной личностью и свободы

от идеологических стереотипов и партийной принадлежности. Профессиональное общение журналиста со своими источниками и героями рассматривалось здесь в контексте гражданской и личной ответственности, а также политической независимости авторов [28, с. 76]..

Более детально теория и методология интервью разрабатывались западными школами журналистики.

Широкие возможности, например, кроются в теории креативного интервью, когда участники беседы, обмениваясь сведениями, идеями, достигают такого уровня знания, к которому каждый из них не смог бы прийти в одиночку, самостоятельно. Автор этого подхода К. Metzler считает, что журналист должен относиться к своим вопросам не «линейно», а творчески, чтобы готовый к публикации информационный продукт содержал неизвестную читателю информацию [28, с. 79].

В последние годы в учебных заведениях Европы и Америки большой популярностью пользуется «новая» методология интервью, разработанная известным канадским журналистом Джоном Саватски. Его «философия» заключается в разрушении стереотипов вопросно-ответного общения, основанных на скрытом соревновании журналиста и его собеседника, на «вымогании» у последнего ответа. Соревнование, т.е. своеобразная борьба общающихся сторон, по мнению Джона Саватски, это признак любого человеческого разговора, но отнюдь не метод сбора информации, пригодный для журналистского интервью. «В интервью не надо соревноваться, - считает он, - в интервью надо задавать вопросы и получать на них ответы» [48, с.69].

Все формы и варианты общения журналиста в профессиональных целях есть интервью в широком смысле слова. Конечно, поведение журналиста варьируется в зависимости от разнообразия целей, уровня поставленных задач и степени индивидуального участия в них журналиста. Но, тем не менее, во

всех случаях интервью - это межличностное вербальное общение для получения информации и производства нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества.

Из всех перечисленных взглядов на интервью подход Джона Саватски, отвергающего соревновательные и предлагающего партнерские отношения, пожалуй, ближе всего к реалиям современной журналистской практики. И все же этот подход не исчерпывает всех вариантов стиля поведения журналиста, вступающего в контакт с другими людьми для получения информации. Характеристики его взаимодействия с собеседником намного разнообразнее. Причем меняются они в зависимости от целого ряда факторов как индивидуального (например, от черт личности собеседников), так и сложившихся отношений между общественными институтами, медиаорганизациями и отдельными журналистами [28, с. 120].

При этом очевидно, что в интервью всегда участвуют две стороны – журналист и его собеседник. Каждый из них играет определенную роль: журналист является интервьюером, его собеседник – интервьюируемым. При этом считается, что социальные роли участников интервью равны, в то время как речевое поведение ассиметрично и в обоих случаях главная задача журналиста - это запрос информации. «Вопросы интервьюера имеют первостепенное значение, поскольку представляют собой форму движения его мысли и реализуют цели и задачи интервью», - пишет исследователь интервью как речевого жанра Е. Ю. Джандалиева [6, с. 87].

Журналисту принадлежит основная роль инициатора и координатора беседы. Основная цель интервьюера при этом: получить информацию «из первых рук», привлечь внимание к определенной проблеме (проблемное интервью) или лицу (портретное интервью). Однако было бы ошибкой считать, что в проблемном интервью личность интервьюируемого отходит на второй план в сравнении с рассматриваемой проблемой. Нюанс заключается в том, что

доверие или недоверие к информации, которую сообщает интервьюируемый, отношение зрителя к проблеме неразрывно связано с персоной, которая эту информацию сообщает.

Можно сказать, что в интервью часто присутствуют элементы отношения, оценки происходящих событий или ситуаций. Интервью в таком случае насыщается комментированной информацией. Для убеждения аудитории интервьюируемый, вынужден отвечать на вопросы, требующие оценки, прибегать к аргументации, подкрепляющей его точку зрения. Меняется и характер содержания и вопросов журналиста, и ответов [22, с.136].

Всякая беседа предполагает обмен мнениями, положения собеседников при этом равнозначны. Интервью же - это не обмен мнениями, а получение информации от одного лица - интервьюируемого. В отличие от беседы, роли участников интервью совершенно различны: интервьюируемый выступает как объект исследования, интервьюер - как субъект. Это определяет и задачи журналиста, он нацелен на получение новой (важной, значимой) информации от своего собеседника. При этом для интервью характерна двойная субъективность получаемых сведений: субъективность их источника и субъективность восприятия интервьюера.

Эту характерную особенность интервью отмечает и другой исследователь А.А. Колесниченко. Он пишет: «Интервью, с одной стороны, считается «самым объективным» жанром, потому что в нем доминируют слова собеседника, а не слова журналиста. Во всех же остальных жанрах текст состоит почти полностью из слов журналиста и, по сути, представляет собой авторскую интерпретацию происходящего. С другой стороны, интервью – крайне субъективный жанр, так как собеседник может излагать односторонний взгляд на проблему, замалчивая одни сведения и интерпретируя в свою пользу другие, а журналист вынужден публиковать это, не уравнивая проверкой фактов и комментариями других людей. Двойственная природа интервью также

проявляется в его одновременной простоте и сложности. Простота интервью в том, что задавать вопросы и записывать ответы может любой человек. Но разговорить и раскрыть человека, подвести его к определенным формулировкам и придать разговору остроту и динамику умеет далеко не каждый журналист. При этом даже профессионалы признают, что у них бывают «тяжелые» собеседники и провальные интервью» [16, с. 94].

А.А. Колесниченко также отмечает важность подготовки к интервью, особенно – при составлении журналистом «ударного аспекта» интервью, то есть тех фраз, на которые необходимо вывести собеседника. Также он рассматривает возможность развития конфликта в интервью для достижения целей, поставленных журналистом:

«Перед проведением интервью необходимо думать «на шаг вперед», то есть предугадывать возможные ответы собеседника и готовить дополнительные вопросы. Также полезно заготовить «ударный аспект» интервью – фразы, на которые нужно вывести собеседника (...) «Разогрев» необходим, если собеседник неопытный, и излишен, если журналист имеет дело с собеседником, для которого раздача интервью – часть работы. Конфликт в интервью можно развить, если поставить собеседника в положение оправдывающегося. Добиться ярких ответов также помогают образные вопросы, возражения журналиста и прием «беременная пауза», когда журналист по окончании ответа не спешит задавать следующий вопрос, провоцируя собеседника на дополнительные высказывания» [16, с.43].

Кроме того, исследователь обращается к такому вопросу, как критерий правды в интервью, который он связывает с достоверностью представления собеседника, которое должно сложиться у аудитории:

«Критерий правды в интервью – не столько достоверность фактов, сообщаемых собеседником, сколько достоверное представление этого собеседника читателям. К приемам «создания искусственной неясности»,

которые могут применять интервьюируемые, относятся использование неконкретных слов, упущение действующих лиц, связывание, неправомерное обобщение, переформулирование и ссылка на недопустимость вопроса», - пишет он [16, с.44].

Другой исследователь данного вопроса А. Князев, говоря об интервью как о творческом акте, в котором принимают участие интервьюер и интервьюируемый, подчеркивает: «Получается, что интервью есть результат соавторства со всеми вытекающими последствиями. Однако на практике получается чаще по-другому. В повседневной телевизионной (да и в целом в журналистской) практике очень часты случаи, когда вопросы или ответы оказываются настолько просты, что не несут в себе творческого начала, не являются оригинальными, и, таким образом, одна из сторон в интервью не проявляет творчества, то вместо соавторского произведения получится произведение одного автора: либо монолог интервьюируемого, либо блестящие, остроумные и оригинальные вопросы журналиста с односложными ответами типа «да – нет» [14].

При этом автор отмечает, что убеждение о том, что спрашивать всегда легче, чем отвечать является заблуждением. «Право на вопрос подразумевает знание материала порой не хуже, нежели у интервьюируемого» [14], - пишет он. А, значит, первоочередное значение для успешного интервью имеет его правильная и вдумчивая подготовка.

Это мнение поддерживает и В. Л. Цвик. Он пишет: «Распространенная ошибка начинающих интервьюеров – убеждение, что спрашивать легче, чем отвечать. Нет, интервью – это совместное творчество. Успех его во многом зависит от ведущего. В своих вопросах собеседнику журналист как бы предвосхищает то, что хотели бы спросить сами читатели, радиослушатели, телезрители. А для этого интервьюер должен подготовиться к беседе: наметить предварительный перечень вопросов на основе знакомства с досье (если таковое имеется, в случае достаточной известности собеседника, в Интернете

или в справочной службе телекомпании), с предыдущими высказываниями собеседника; бывает полезно расспросить о нем, его привычках и случаях из жизни различных сведущих людей – сослуживцев, членов семьи» [47, с. 19].

С.А. Муратов также уделяет особое внимание этому вопросу: «Для интервьюера важнейшими качествами и одновременно условиями успешной работы являются два: умение предварительно детально спланировать разговор с будущим собеседником и способность к мгновенному реагированию на неожиданные повороты беседы. Необходимо владеть темой (телевизионщики говорят обычно: «быть в теме») настолько, чтобы не пойти на поводу у интервьюируемого, а суметь мягко и ненавязчиво настоять на своей линии беседы. Особенно важно последнее, если разговор идет в прямом эфире» [26, с. 31], - отмечает исследователь.

Другой исследователь журналистики Г. С. Мельник, говоря об особенностях подготовки журналиста, пишет: «Готовясь к встрече, журналист предвосхищает нормы, которых может придерживаться в своем поведении его будущий собеседник, ценности, которым он подчиняет свои жизненные цели и задачи. Дар проигрывания психологической ситуации – думать о том, насколько охотно собеседник вступит в диалог, от каких факторов это зависит. Если известно, кто твой собеседник (его профессия, возраст, интересы, какие социальные роли исполняет), уже в первом приближении можно мысленно спрогнозировать направление, которое может принять диалог с ним. У опытного журналиста в голове обязательно всплывают ассоциированные с этой ролью нормы поведения и ценностные ориентации. Он примерно представляет себе, что можно ожидать от актера, политика, педагога, ведь наше восприятие зависит от того, как мы классифицируем людей (по принадлежности к какой-то группе, социально-экономическому классу, физическим характеристикам – пол, возраст, цвет кожи)» [21, с. 74].

Особое значение при этом играет знание основ психологии коммуникации, которые являются залогом успешной работы журналиста. Большая часть

информации, которую обнародуют сотрудники СМИ, получена ими в процессе общения с одним или несколькими лицами. Во время журналистского разговора необходимо расположить к себе личность, которая обладает необходимой информацией, суметь спланировать беседу, четко сформулировать вопросы. Если журналист печатного издания может ограничиться общением по телефону, беседой в неформальной обстановке, то на телевидении сложности получения информации связаны с необходимостью проведения телевизионной съемки, коммуникабельностью, телегеничностью героя. Насколько человек подходит для участия в программе, определяет журналист, руководствуясь своим опытом, знаниями в области коммуникативной психологии.

Компетентность журналиста обнаруживается еще на стадии подготовки к диалогу. Одной из основных задач является выбор собеседника в интересах аудитории. Любому интервью должна предшествовать тщательная подготовка: определение основной темы разговора, стратегии и тактик ведения диалога в зависимости от типа интервью и личности интервьюируемого, выстраивание композиции вопросов. Во время интервьюирования в задачи журналиста входит установление наиболее подходящей тональности общения, поддержание естественной логики развития диалога, умение «разговорить» молчаливого собеседника или, напротив, удержать беседу в нужном русле, если собеседник отвечает слишком пространно. В задачи интервьюера может входить создание определенного образа интервьюируемого: положительного или отрицательного. Так, ряд провокационных вопросов, направленных на то, чтобы «разозлить собеседника, возбудить страсти, чтобы на волне вспышки эмоций получить открытый, импульсивный ответ», заставить собеседника потерять над собой контроль и «выложить все как на духу», может показать интервьюируемого аудитории с совершенно неожиданной, чаще негативной, стороны. Или, напротив, журналист может дать своему собеседнику возможность оправдаться перед массовым адресатом.

Таким образом, обобщая взгляды исследователей можно сказать, что подготовка к интервью – это обязательный элемент работы журналиста. Она заключается в следующих неразрывно связанных и неотделимых на практике типах работы:

- общая подготовка;
- конкретная подготовка;
- психологическая подготовка [21, с. 79].

Общая подготовка состоит из общей идеологической и интеллектуальной подготовки журналиста, обще профессиональной, в том числе из углубленного изучения какой-то определенной области знаний и специализации журналиста (деятельности).

Интервью - это вопросный метод поиска знаний. Правильная постановка вопросов требует, прежде всего, истинности их предпосылок, а это прежде всего обеспечивается исходными позициями автора, его мировоззрением. В любом интервью вне зависимости от типологии происходит процесс восприятия и оценки собеседниками друг друга. Если рассмотреть этот процесс в психологическом аспекте, то воспринимающий субъект делает заключения о познаваемости личности на основании собственного опыта, имеющихся знаний.

Весьма актуальным для журналиста является, например, знание аудитории: ее структура, интересы, установки, стереотипы, потребности, информационный и интеллектуальный уровень. При этом особенно важно иметь четкое представление о «своей» аудитории.

Исследователи отмечают, что обобщенный образ именно «своей» аудитории нередко присутствует в сознании журналиста в процессе интервью.

При этом по сравнению со специалистом в какой-либо другой отрасли, журналисту для работы необходимы знания другого качества, более широкие, на основании которых он бы мог заметить изменения, появление нового, тенденцию развития происходящие в данной области, понимать психологию

работающих в ней людей, но в тоже время, журналист не должен выглядеть дилетантом. Для этого на этапе подготовки необходима процедура снятия некомпетентности – изучение темы беседы [21, с.19]. Процесс интервью в каком-то смысле - это процесс получения знания о тех жизненных условиях, которые эту психологию создают.

Конкретная подготовка к интервью складывается из следующих моментов:

- определение цели интервью и характера необходимых сведений;
- изучение предмета интервью и собеседника;
- предварительное обдумывание хода беседы, составление вопросов;
- договоренность о встрече, месте, времени интервью.

Характер изучения предмета при подготовке к интервью зависит, конечно, от его целей. Вместе с изучением темы и предмета беседы журналист стремится выяснить все, что возможно, о будущем собеседнике:

- его взгляды;
- факты его биографии;
- его личные качества. Привычки, особенности характера, которые могут повлиять на ход беседы

Таким образом, журналисту важно знать не только индивидуальную психологию будущего собеседника, но и психологию социальную, психологию той группы, к которой он принадлежит, тех ценностей, которые ею разделяются, того типа поведения, которые ею принимаются.

Уже в ходе изучения материала у журналиста складывается план будущей беседы.

Таким образом, журналист уже на этапе подготовки мысленно выстраивает план будущего интервью. У него должны быть заготовлены:

1. Рабочая гипотеза, то есть представление о проблеме, ее развитии, ее месте в изучаемом вопросе. Рабочая гипотеза - это по существу обдумывание конкретных целей интервью на новом уровне, то есть конкретизировать цели, вооружившись тщательным изучением предмет, будущего собеседника.

2. Драматургический стержень беседы. Это тот центральный элемент беседы, который должен объединить интересы интервьюера и интервьюируемого. Он позволяет разговорить собеседника, заставляет его высказаться серьезно, не стереотипно, увлеченно. Часто таким стержнем выступает столкновение идей, момент дискуссии, который заставляет собеседника возражать, доказывать, раскрываться в споре.

Психологическая подготовка осуществляется как в общей, так и в конкретной подготовке к интервью. Журналистский труд требует хорошей памяти, внимания, наблюдательности, воображения, впечатлительности, настойчивости, любознательности.

Уже на этапе подготовки у журналиста начинает складываться мнение о человеке, с которым ему предстоит беседовать: о социальной группе, к которой он принадлежит, о его характере, о возможном отношении к беседе. Однако все это не должно мешать объективности восприятия журналиста, отмечают исследователи [21, с. 43].

О важности подготовки к интервью пишет и другой исследователь С.А. Муратов: «В наши дни подготовка профессионального журналиста к портретному или проблемному интервью напоминает порой работу разведчика – с той существенной разницей, что автор действует в пользу героя (...) Как ни странно на первый взгляд, но у хорошо подготовленного интервьюера почти не бывает вопросов, задавая которые он сам не мог бы попытаться ответить за собеседника или хотя бы предвидеть характер ответа» [26, с. 54]. Автор резюмирует: «Диалог начинается перед телекамерой только для собеседника, журналист же ведет его с того дня, как приступил к изучению материала.

Экранный этап – лишь последняя фаза в этом заочно завязавшемся разговоре» [26, с. 55].

Такое утверждение указывает на то, что к моменту встречи с гостем в телевизионной студии журналист уже имеет образ будущего интервью, и более того – для успешного интервью журналист может и должен конструировать его ход.

Вместе с тем некоторые исследователи говорят и о конструировании коммуникации в журналистской деятельности. Такое понятие, например, использует В. Ф. Олешко. Он рассматривает такое конструирование в отношении полемического обращения, которым называет «журналистские произведения, тип теле- радиопередач, в которых полемика, как острый спор, дискуссия, столкновение мнений по какому-либо вопросу, является главным признаком» [27, с. 126].

Автор пишет: «Полемическое обращение формулируется автором как целостное, законченное произведение, в котором реализован результат собственно творческой и аналитической его деятельности и которое имеет конкретную цель» [27, с.12]. И выделяет три основных составляющих:

- 1) тему (предмет) полемики;
- 2) средства достижения цели (подбор соответствующих концепции фактов, аргументов);
- 3) конкретный текст (или совокупность вербальной и невербальной информации).

Однако на сегодняшний день данная тема остается мало изученной, есть лишь единичные упоминания в научной литературе, связанные, в том числе, с таким понятием как медиаповедение. Несомненный интерес в этой области представляют научные работы по психологии журналистики (В.Л. Цвик, Е.И. Пронин, В.Ф. Олешко, Е.Е. Пронина и др.).

Так, например, Е.Е. Пронина, подчеркивая важность работы журналиста в психологическом плане, отмечает: В психологическом плане массовая коммуникация - личностная проблема. Как показывают эксперименты американского психолога Дж. Розена, интеллектуальная жизнь современного человека состоит в основном в кодировании и декодировании массовых символов, а его жизненный успех зависит от скорости перевода. А для профессионального журналиста это общее положение отягощается тем, что именно ему приходится запускать первую версию символизации да еще практически синхронно развитию событий» [38, с.14]. Автор подчеркивает «Журналист психологически опасная профессия» [38, с. 15].

И нельзя не согласиться с Е.И. Прониным, который считает, что сегодня «нужна сугубо теоретическая проработка проблемы. Однако в новой медиареальности становится очевидной острая методологическая недостаточность самой теории журналистики» [36].

1.2. Конфликт в журналистском интервью

Конфликт в журналистском интервью рассматривается с нескольких позиций.

Например, некоторые исследователи связывают конфликт с одним из стилей поведения в интервью – конфронтационным. Он противопоставляется элитарному и партнерскому стилям и используется, когда журналист не доверяет своему источнику и в каждом событии ищет двойной смысл.

При этом отмечается, что именно этот стиль поведения «повлиял на формирование в общественном сознании негативного стереотипа журналиста» [20, с. 34]. В этом вопросе конфронтационное интервью удовлетворяет потребность аудитории в зрелищности, но воспринимается как деструктивный конфликт.

Общение в условиях конфликта - особый, осложненный, по далеко не редкий вид общения, отмечают исследователи. Существуют разные подходы к изучению конфликтных ситуаций. В этом отношении интересна концепция В.М. Горохова.

В рамках конфликтного общения он выделяет две основные сферы: конфликтное общение сотрудничества и конфликтное общение противодействия. В первом случае конфликт становится формой взаимодействия, к которому собеседники приходят через преодоление разногласия.

Причиной такого конфликта может быть то, что журналист и его собеседник видят разные пути достижения цели, но эти противоречия говорят об интенсивности обмена информацией, о ее высоком качестве. Противоречивость, несовместимость, столкновение взглядов часто оборачиваются откровенностью собеседника, прямотой его суждений.

В процессе полемики нужна определенность предмета спора, уточнение смысла понятий, входящих в утверждение, и уточнение, против чего

высказывается возражение - против самого тезиса или против способа его доказательства.

В случае конфликта противодействия собеседник явно или скрыто противодействует журналисту. Если на каком-то этапе разговора журналист понимает, что конфликт в той или иной форме неизбежен, то он должен прежде всего снять его остроту, а затем попробовать направить беседу в наиболее «продуктивное русло» [5, с. 42].

Еще один взгляд на конфликт в интервью представил в своей работе «Настольная книга журналиста» А.А. Колесниченко. Говоря о конфликте в журналистском произведении, он отмечает: «Журналистское произведение без конфликта – это либо недоработка автора, либо заказной или рекламный материал» [16, с. 15].

Конфликты автор подразделяются на внешние и внутренние. Внешние – это противостояние людей или групп людей (фирмы, ведомства, партии) с другими людьми и группами, а также государством, обществом или природой (живой и неживой). Внутренние конфликты – это противоборства между желаемым и возможным либо желаемым и должным. Например, хочу, но не могу (или не хочу, но должен). Кроме того, он выделяет открытые и скрытые конфликты.

«Скрытые конфликты – неисчерпаемый источник тем для журналистских материалов. Количество же скрытых конфликтов, которые способен выявить журналист в каждой из ситуаций, это показатель уровня профессионализма», - пишет А.А. Колесниченко [16, с. 17]. Однако его отношение к конфликту можно охарактеризовать как к источнику тем для интервью и других журналистских произведений, но не внутренняя характеристика интервью.

Другой взгляд на журналистику и конфликт связывается исключительно с работой корреспондентов в зоне боевых действий. При этом под «конфликтом»

понимается военный конфликт, и задача журналиста сводится к освещению событий в экстремально опасной для жизни ситуации, а рекомендации – к основным правилам общения с военными, методах профилактики психических нарушений, практическим рекомендациям при похищении или обнаружении мины и некоторым другим, узко направленным вопросам [15].

Третья позиция в отношении конфликта и журналистики – это роль журналиста при освещении социальных конфликтов. При этом «социальный конфликт» трактуется как «борьба по поводу ценностей, или притязаний на ограниченно доступный статус, власть или ресурсы, в которой каждая из сторон стремится нейтрализовать, ущемить или подавить цели» [15]. А роль журналиста определяется как информационное сопровождение конфликта, которому дается следующее определение: «Информационное сопровождение конфликта – направленное или спонтанное освещение в прессе значимых событий конфликтного противостояния. При этом аудитории СМИ дается информация о субъектах и предмете конфликта, о предполагаемых или реальных целях и намерениях соперничающих сторон, о реальных и вероятных последствиях конфликтного взаимодействия» [15].

«Исследователи мотивации журналистской деятельности, в целом, сходятся во мнении, что в системе факторов, побуждающих журналиста к конкретной профессиональной деятельности, ключевым является желание «влиять». Влиять на ситуацию, на человека, на развитие событий, на социально значимые обстоятельства и процессы. При этом важно понимание того, что если журналист и не ставит перед собой прямой цели влиять, то его информирование о конфликтном событии так или иначе оказывает влияние на восприятие конфликта, а значит и на решение или углубление самой проблемы, которая обеспечивает динамику и интенсивность конфликта» [23, с. 57], - пишет М. Мельников в сборнике «Прикладная конфликтология для журналиста».

Следует отметить, что при анализе литературы нам не удалось обнаружить представление о конфликте как конструктивном и основополагающем принципе организации интервью. «Конфликт» в научной литературе о журналистике воспринимается исключительно как деструктивное явление, либо рассматривается как негативное событие или явление, которые журналисту необходимо осветить.

Однако если остановиться на таком структурном элементе конфликта как противоречие, то можно обнаружить и другие мнения. Так, исследователь СМИ И.М. Дзялошинский считает, что с помощью такого критерия, как отношение к противоречию, можно рассмотреть несколько стилей журналистского мышления: мифологическое (игнорирующее противоречия), формально логическое (стремящееся к уничтожению или примирению противоречий) и диалектическое (ориентированное на выявление реальных противоречий как движущей силы любых явлений) [7, с.201]. В этом контексте противоречие рассматривается, в том числе, и как «движущая сила», то есть явление конструктивной природы, являющееся неотъемлемой частью определенного типа журналистского мышления.

2. Конфликт и конфликтная конструкция с точки зрения конструктивной психологии конфликта

Так как мы рассматриваем конфликт с позиции конструктивной психологии конфликта, то, основываясь на одноименной монографии Б. И. Хасана, приведем основные её положения.

Данное исследование рассматривается конфликт не в его обыденном понимании, то есть как однозначно разрушительный тип взаимодействия или переживания «внутреннего рассогласования» [45, с. 61], а как условие и механизм, обеспечивающий созидание.

Мы будем опираться на определение конфликта, предложенное Б.И. Хасаном: Конфликт - это такая характеристика взаимодействия, в которой не могущие сосуществовать в неизменном виде действия взаимодействуют и взаимоизменяют друг друга, требуя для этого специальной организации [45, с. 62].

Говоря о структурном описании конфликта, автор отмечает, что целостная полная конфликтообразующая структура, включает в себя три уровня:

- основания столкновения, т.е. то противоречие, актуализация которого является нам конфликт как феномен;
- действительность столкновения (феномен конфликта), которая представляет собой взаимодействующие действия, стремящиеся к автономии путем доминирования, приспособления, элиминации и др.;
- метаконфликтные феномены: переживание отношений к предмету противоречия и/или конфликтного действия, межличностных отношений участников, аутоотношения субъекта конфликтного действия, ожиданий и т.д.

Таким образом, конфликт представляет собой актуализировавшееся противоречие, то есть воплощенные во взаимодействии противостоящие ценности, установки, мотивы. Но это противоречие являет себя только через столкновение действий.

Автор при этом подчеркивает необходимость различать естественные и сконструированные конфликты. К естественным он относит воплощение противоречий, которые случаются независимо от нас, а о втором виде конфликтов пишет так: «Наряду с ними мы можем специально конструировать такие конфликты, в которых удерживаются противоречия для их продуктивного разрешения и, таким образом, достижения планируемых результатов и проектируемых эффектов (искусственные конфликты) [45, с. 21]. Отношение к конфликту строится как искусственное, то есть его необходимо проектировать, инициировать и разрешать для решения задач развития.

Отсюда одна из важных функций конструктивного конфликта - обобщенная функция удержания противоречия в определенной процессуальной форме, позволяющей осуществлять операции разрешения.

Совершенно очевидно, что конфликт предполагает наличие его участников. При этом под прямыми участниками конфликта мы будем понимать тех, чьи интересы и цели оказались недостижимыми в неизменном виде в результате сложившейся конфликтной ситуации, чья позиция прямо определяет динамику и характер конфликтного взаимодействия [45, с. 82].

Принципиально важное значение при этом будет иметь выяснение интересов и целей, связанных с конфликтом лиц. Соответствие интересов, целей, стратегий и тактик конфликтной деятельности участвующих сторон является ключевым условием разрешимости конфликта, отмечает исследователь.

Говоря об интересах участников, Б. И. Хасан подчеркивает, что следует различать те, которые оказались «нарушены» в результате возникновения какой-то помехи, что собственно и образовало конфликтную ситуацию, и те, которые возникли уже в рамках разворачивающегося конфликта.

Первые составляют собственно предмет конфликта и выступают целеобразующим фактором при формулировании вариантов желательного исхода или разрешения. В обобщенном виде можно сказать, что предмет конфликта это то, по поводу чего сталкиваются интересы участников конфликта (которые выражаются в определенных конфликтных действиях).

При этом предметная несогласованность во взаимодействиях, когда участники конфликта понимают его предмет по-разному – это одна из главных причин непродуктивного разворачиванию конфликта. Даже в тех ситуациях, когда конфликт специально инициирован. «Столкновение действий, за которыми стоит существенно различающаяся интерпретация материала (от преобразования условий задачи до самообвинений в никчемности), порождает конфликты, требующие специальных преобразований в формальных характеристиках и в материале для приведения их в разрешимый вид», - пишет Б.И. Хасан.

Для понимания предмета конфликта рассмотрим пятифакторную модель конфликта, основываясь на работе Б. И. Хасана и П. А. Сергоманова «Разрешение конфликтов и ведение переговоров». В данной работе представлено 5 моделей конфликтов, каждый из которых имеет в основе определенный предмет конфликта и содержание конфликта (детерминанты конфликтной ситуации, описание формы взаимодействия и содержания конфликтных действий).

1 фактор – предметом конфликта является *статус в иерархизированной системе отношений*. Конфликтная ситуация возникает при интерпретации взаимодействия и/или собственных действий: а) как угрожающих фактически

установившемуся или субъективно представляемому статусу; б) как помеха в процессе формирования желаемого статуса. Конфликт разворачивается как внешний, межличностный. Содержание конфликтных действий при этом описывается как защита статуса или его доказывание.

2 фактор - предметом конфликта является показатель *идентичности, принадлежности*: «я такой же (такая же), как...»; «я не хуже, чем...»; «я соответствую критериям группы». Конфликтная ситуация появляется при интерпретации внешнего отношения как отвергающего, дискриминирующего, усомневающего, дифференцирующего. Конфликт разворачивается как внешний, межличностный. Одна из сторон выступает как репрезентирующая идентификационную группу. Характер взаимодействия определяется как реализация (апелляция к...) идентификационных признаков.

3 фактор – предметом конфликта является *разрывность во внешнем предметном материале*. Конфликт разворачивается как внутренний и представляет собой преодоление «сопротивления материала» за счет мобилизации, поиска, создания ресурса, с помощью которого ликвидируется разрыв и восстанавливается целостность.

4 фактор - предметом конфликта является *чувство самооценности*. Конфликтная ситуация возникает как реакция на каким-то образом спровоцированный процесс снижения самооценки, т.е. как ответ на неудачу. В качестве контракта выступает психозащитное действие, сопротивляющееся ухудшению самоотношения. Конфликт разворачивается как внутренний, в котором участвуют подинстанции «Я». Одна из них, действующая на снижение и реализующая упрек в неудаче, ориентирована на идеальный образ «Я», а другая, защищающаяся, обращена к опыту «Я» и стремится к сохранению сложившегося образа. Характер внутреннего взаимодействия определяется возможностями «Я» к сохранению самооценки путем отрицания негативных

характеристик, дискредитации значимости ситуации и т.п., психозащитных ресурсов и опытом их реализации.

5 фактор - предметом конфликта является чувство *ответственности*. Конфликтная ситуация появляется как следствие какой-либо неуспешности, недостижения предполагаемого результата, либо как предвосхищение такого недостижения. В конфликте сталкиваются действия: направленные на реализацию ответственности и избегания санкций [46].

Отметим также, что пятифакторная модель конфликта была разработана на основе анализа конфликтов ситуации обучения и иллюстрируют конфликты, которые возникают у школьника с учителем (1 фактор), в среде сверстников (2 фактор), ситуации обучения, связанной с решением ранее незнакомых задач (3 фактор), внутренний конфликт школьника, испытывающего чувство несправедливости при получении оценки, которую он считает незаслуженной (4 фактор), внутреннее переживание чувства ответственности за неудачу (5 фактор).

Отдельно остановимся на том, что будем понимать под конфликтной конструкцией. Вот что пишет по этому поводу Б. И. Хасан: «Такая конструкция должна представлять собой психотехнически обеспеченный завершённый проект конфликта: от инициирования столкновения при актуализировавшемся противоречии, через удержание конфликтного взаимодействия в продуктивном русле, до приобретения ситуацией такого качества, которое отвечало бы требованию снятия исходного противоречия за счёт появления и реализации новых ресурсов» [45, с. 154].

«Важно еще раз подчеркнуть, что для нас гарантией неразрушимости конфликта является его проект. Все остальное, строго говоря, нельзя назвать полезным (направленным на разрешение противоречия) конфликтом. В данном контексте столкновение, не имеющее собственного проекта, не является

нормальным конфликтом - это суть конструктивного подхода», - пишет исследователь [45, с. 155].

Таким образом, конфликтную конструкцию отличает наличие проекта, управляемость. Этим мы и будем руководствоваться, исследуя интервью как конфликтную конструкцию.

3. Исследовательская часть

3.1 Анализ телевизионных интервью.

В качестве основного инструмента исследования нами выбраны методы конфликт-анализа и критериально-ориентированного наблюдения. Схема конфликт-анализа как одного из методов конструктивной психологии конфликта выглядит следующим образом:

1. Самоопределение

- Какую функциональную позицию Вы занимаете в конфликте? (участник, наблюдатель, посредник и т.п.)

2. Опознание

- На что это похоже?

- Как это можно назвать в целом?

- Какую метафору вы бы использовали для этого случая?

3. Участники конфликта

- Кто вовлечен во взаимодействие и какие позиции они занимают?

- Какой общий рисунок образуют все позиции?

- Каких позиций не хватает для разрешения?

4. Анализ сценария взаимодействия

- Какова последовательность действий сторон?

- С какого действия конфликт начался?

- На что похож сценарий взаимодействия в целом?

- Каковы основные поворотные точки сценария? Охарактеризуйте их.

5. Анализ существенных характеристик взаимодействия и его участников

- Каковы существенные для разрешения характеристики взаимодействия?

- Чем это конкретное взаимодействие характерно? Сравните с другим взаимодействием.

- Какие характерные черты участников взаимодействия вы бы выделили?

- Какие из характеристик существенно повлияли на протекание конфликта и его разрешение?

6. Анализ интересов и целей сторон

- В чем именно заинтересованы непосредственные участники?

- Нет ли в данном случае интересов других лиц, сторон, которые необходимо учитывать.

- Как выглядит для участников хороший исход взаимодействия.

7. Анализ противоречия (проблемы)

- В чем состоит противоречие? (Например, с одной стороны ..., а с другой ...)

- Какой материал вовлечен во взаимодействие, какой материал «напряжен», сопротивляется участникам?

- На что притязают все участники, в чем предмет взаимодействия?

8. Действия для разрешения конфликта (проблемы)

- Какие из описанных действий объективно вели к разрешению конфликта (проблемы), а какие уводили в сторону?

- Какие действия с учетом анализа можно было бы осуществить?

Однако, учитывая специфичность интервью как конфликтной ситуации, мы дополнили схему конфликт-анализа и сгруппировали вопросы по блокам, которые соответствуют элементам структурного описания конфликта. Таким образом, в качестве критериев для критериально-ориентированного наблюдения мы будем использовать следующие вопросы:

1) Действительность столкновения:

- Содержание (описание) конфликтных действий? Кто их инициирует (журналист или собеседник)?

- Какая информация получена с помощью конфликтных действий?

(значимая/незначимая, эмоциональная/содержательная, новая/известная)

- Кто управляет коммуникацией?

2) Метаконфликтные феномены:

- Какие действия журналиста вызвали наиболее сильную эмоциональную реакцию собеседника?

- Управляет ли журналист напряжением в конфликте?

3) Основания столкновения:

- Можно ли выделить ключевое противоречие?

- Удастся ли журналисту удерживать противоречие на протяжении всего интервью?

- В чем именно заинтересованы непосредственные участники?

- Предмет конфликта? Является ли он одинаковым для участников?

Анализ телевизионных интервью на основе данных критериев позволит нам выяснить: является ли конфликт в интервью сконструированным, управляет им журналист или нет, с помощью чего, кто управляет коммуникацией и какие интересы у сторон, а также определить предмет конфликта.

Случай первый. Интервью Владимира Познера с Сергеем Шнуровым (программа «Познер»).

Рассмотрим интервью Владимира Познера с Сергеем Шнуровым (программа «Познер»), вышедшее в эфире «Первого канала» 10.10. 2016 года.

По структуре в данном интервью можно выделить три части – 1) «вопросы неважные» (как называет их В. Познер); 2) «вопросы важные и серьезные» (с его же слов); 3) заключительная часть.

При чем «вопросы неважные» в интервью играют значительную роль, так как с их помощью журналист вскрывает противоречия в словах и действиях своего героя, стараясь создать для зрителей необходимый ему образ собеседника перед началом «важных и серьезных вопросов».

Например, журналист приводит цитату, где Сергей Шнуров ранее заявлял следующее: «В телевизоре – идиоты. Это формат такой. Телевидение – штука неприличная» [30]. Теперь он сам ведет программу на ТВ, и Владимир Познер спрашивает, как такое возможно, актуализирует конфликт по третьему фактору (разрывность во внешнем предметном материале).

Или другой пример из интервью:

В. Познер: Вас спрашивают: «Вы независимый человек?» Вы отвечаете: «Назависимых людей нет. Я тоже завишу он жены, от настроения, от состояния группы». Но это же совершенно банальные вещи. Когда спрашивают: «Вы независимый человек?» имеют в виду не это.

С. Шнуров: А что имеют в виду?

В. Познер: Вы не знаете?

С. Шнуров: Ну вы мне задайте вопрос корректно. Что значит независимый человек?

В. Познер: По своему устройению вы можете послать всех к черту, хоты вы чувствуете себя зависимым от жены и детей. Вы считаете себя независимым?

С. Шнуров: Послушайте, если я скажу, что считаю себя независимым. Это будет очень самоуверенное и самонадеянное утверждение, правда?

В. Познер: Не знаю, правильно или нет.

С. Шнуров: Я скажу «Я независимый» и тут же поступлю как зависимый человек. Зачем мне загонять себя в границы зависимости или независимости? Зачем мне себя кем-то называть. Чтобы потом вы мне предъявили: «А вы себя называли вот этим»

В. Познер: Но можно было сказать: «Я зависимый человек».

С. Шнуров: Можно сказать. А можно сказать «Я независимый человек». Это слова, которые ничего не значат» [30].

В данном фрагменте интервью очень ярко проявляется стратегия, выбранная журналистом. Столкновение журналиста и интервьюера перестает в конфронтацию, в которой гость вынужден защищаться от приписываемого ему образа. В данном случае конфликт остается управляемым (при этом журналист организует и удерживает процесс коммуникации).

Сценарий взаимодействия, таким образом, можно описать следующим образом: журналист намеренно сталкивает своего героя с его прежними высказываниями, которые противоречат его (героя) сегодняшним поступкам. Конфликтные действия журналиста связаны с актуализацией конфликта по третьему фактору (разрывность во внешнем предметном материале), а также по четвертому фактору – чувству самоценности и мобилизации защитных ресурсов.

Во второй части интервью, Владимир Познер также конструирует столкновения для своего героя. В этом случае не с самим собой, а с идеальным представлением о том, каким должен певец и «скрепа общества» – с Владимиром Высоцким. При чем на первый план также выходит противоречие: сегодняшнее общество любит «Ленинград», а «вчерашнее» (конец XX века) любило Высоцкого. Какой диагноз можно поставить такому обществу? Плохо ли общество, если плохи его герои?

При этом журналист во время всего интервью управляет коммуникацией, используя следующие высказывания: «Вы опять уходите от предмета», «Но это с вашей стороны – нежелание отвечать на вопрос», «Что можно сказать о таком обществе, которое упивается таким товаром?», «Но вам не кажется, что само общество изменилось в плане того, что его привлекает?» [30].

Интервьюер и гость студии говорят с принципиально разных позиций.

Для иллюстрации приведем еще один фрагмент интервью:

С. Шнуров: (XX и XXI век) Равнять нельзя (...)

В. Познер: О группе «Ленинград» вы говорили так: «Мы всегда существовали не благодаря, а вопреки. Мы пробивались, как одуванчик сквозь асфальт». Какой образ красивый. Вот если опять же сравнить с Высоцким. Его запрещали, ему не давали выступать публично, он никаких денег на этом почти не зарабатывал. Хорошо, вас Лужков запретили в Москве, экое дело. Разве можно сравнивать те преграды, которые преодолевал Владимир Семенович и группа «Ленинград»?

С. Шнуров: Ну нет, конечно. Я и не сравниваю [30].

В этом фрагменте видно, что журналиста интересует общество, противоречие сегодняшнего и прошедшего, их несоответствие друг другу. Гостя волнует его собственное «Я» и желание сохранить лицо.

Интересно, что во время интервью журналист несколько раз упоминает о том, что деятельность его героя ему неприятна. Но конфликта на этом материале не получается.

В. Познер: Я смотрел эту программу («Про любовь», ведущий – С. Шнуров) только из-за вас. Я вообще подобные программы не смотрю.

С. Шнуров: Почему вы не смотрите?

В. Познер: Они мне омерзительны.

С. Шнуров: (пауза) Тут мы с вами совпадаем (с улыбкой) [30].

Или:

В. Познер: (цитирует С. Шнурова) «Есть слоган Егора Летова, который я поднял на знамя. Любит народ всякое гавно». Я не буквально воспринимаю это как вещество зловонное. Я понимаю это как что-то отвратительное,

отталкивающее. Вопрос такой: Что можно сказать о таком обществе, которое упивается таким товаром?

С. Шнуров: Так же про американское общество можно сказать...

В. Познер: Оставим.

С. Шнуров: Почему оставим? Мы живем на Земле, она круглая.

В. Познер: Когда у меня в студии будет ваш американский аналог, мы с ним поговорим. Я смотрел ваши клипы и для меня они не смешные, а очень страшные. Такое изображение России, которое меня не радует, хотя может быть оно и правдивое. Но тот восторг, который вызывают они у людей - как это объяснить. Это из области «гавно»?

С. Шнуров: Можно думать и так.

В. Познер: А вы так думаете?

С. Шнуров: Я так не думаю [30].

При этом интересен эмоциональный план конфликта: С. Шнуров на некоторые вопросы пытается ответить шуткой, на некоторые – и с улыбкой, Владимир Познер – максимально бесстрастен, эмоции собеседника он подчеркнуто не поддерживает, не отражает.

И если в поведении Познера читается интерес – рассказать о ценностях и через это раскрыть образ интервьюируемого. То для Шнурова интерес – поддержать свой сложившийся образ. В данном случае столкновение этих интересов формирует предмет конфликта - образ. Данное интервью является конфликтной конструкцией.

Случай второй. Интервью Владимира Познера с Асламбеком Аслахановым (программа «Познер»).

Рассмотрим интервью с Асламбеком Аслахановым в программе «Познер» (24.04.2017, интервьюер, автор и ведущий программы – Владимир Познер).

Важная часть интервью: создание образа интервьюируемого. Ведь в зависимости от образа гостя, того впечатления, которое сложится о нем у зрителей, во многом будет зависеть доверять или не доверять той информации, которую он пытается донести.

Как этим может управлять журналист? С помощью порядка задаваемых вопросов. Например, в данном случае, Владимир Познер вначале задает вопросы о детстве героя, когда он ребенком в сталинские времена пережил депортацию из Чечни, как вернулся на родную землю в 14 лет и что увидел. Как отец героя, мечтавший о том, чтобы его дети, вышли в люди, говорил о нем: «А этот из тюрем вылезать не будет...» (потому что тот постоянно дрался, в том числе ударил учителя, оскорбившего девочку-немку и не захотевшего извиниться). И как главный герой плакал из-за слёз отца и поклялся, что этого никогда не будет.

В данной части интервью актуализируются внутренние конфликты героя (уже разрешенные), которые стали для него стимулом добиваться успеха.

Главные представления о герое, которые создаются в ходе интервью: честный, сильный духом человек.

При этом вторая и третья части интервью эмоционально для зрителя значительно слабее: вопросы о коррупции и работе героя интервью по борьбе с контрафактной продукцией актуализируют главное открытое столкновение двух позиций в данном интервью.

Гость рассказывает о том, как китайцы в России используют контрафактные удобрения, после которых через 5 лет «земля как после атомного взрыва».

Вопрос ведущего: «Если всё это вам известно, почему власть и вы лично позволяете этим же китайцам заниматься этим?». «Вам всё это известно, а они продолжают всё это делать. Почему никто их не останавливает?» [32].

Ответ: «Потому что мир далеко очень зашел, чтобы изготавливать контрафактную продукцию, которую отличить сложно. (...) Я направил письма во все министерства страны, что ассоциация правовых органов и спецслужб намерена провести Международную конференции по борьбе с контрафактом» [32].

Остановимся на основаниях конфликта. Интервью достаточно длительное (более 50 минут), и логически в нем можно выделить несколько частей. Первая – воспоминание о детстве героя, его депортации и возвращении в Чечню (противоречия: несчастное детство - успешная жизнь, личное отношение героя интервью к Сталину как к виновнику депортации чеченцев и высокий уровень одобрения Сталина, характерное для современного российского общества). Актуализируется, вскрывается внутренний конфликт, предмет конфликта – разрыв во внешнем предметном материале.

Вторая часть интервью – служба героя в милиции (противоречие: его первая реакция на перспективу работы в милиции: «Что я мусором, что ли буду?» (цитату приводит интервьюер). До «Я стал первым чеченцем, который стал генералом милиции» [32].

Кроме того, приведем примеры других противоречий, которые вскрывает журналист в ходе интервью.

В. Познер говорит: «Вы высказывались резко и не раз (...) о высшем составе милиции» (контекст: а сейчас отзываетесь благосклонно). В данном случае противоречие выполняет функцию проверки взглядов героя, отношения к одним и тем же проблемам тогда и сейчас. Конфликт, который проектирует ведущий - разрывность во внешнем предметном материале, но противоречия в

словах героя нет: ситуация и сам предмет, о котором высказывал мнение раньше, изменилось.

В. Познер: «Моя милиция меня бережет». Эти известные строки Владимир Маяковский написал в 1927 году. Как Вы думаете, если бы Владимир Маяковский был жив сегодня (с тем же характером, с тем же отношением к жизни), он бы написал так же?». В данном примере журналист демонстрирует опосредованное выражение позиции.

А. Асламбеков: «Я думаю, написал бы» [32].

Третья часть – коррупция и борьба с контрафактной продукцией. Гость рассказывает о том, как китайцы в России используют контрафактные удобрения, после которых через 5 лет «земля как после атомного взрыва».

Вопрос ведущего: «Если всё это вам известно, почему власть и вы лично позволяете этим же китайцам заниматься этим». «Вам всё это известно, а они продолжают всё это делать. Почему никто их не останавливает?» [32].

Ответ гостя: «Потому что мир далеко очень зашел, чтобы изготавливать контрафактную продукцию, которую отличить сложно. (...) Я направил письма во все министерства страны, что ассоциация правовых органов и спецслужб намерена провести Международную конференцию по борьбе с контрафактом (...) и во всем мире заговорили, что Россия объявила войну контрафакту» [32].

В. Познер: «Россия объявила войну и...? Вы где-нибудь побеждаете?»

А. Асламбеков: Побеждаем.

В. Познер: Побеждаете?

А. Асламбеков.: Побеждаем даже не за счет посадить кого-нибудь. За счет разработки новых технологий, которые позволяют выявлять контрафакт это или нет». [32].

Четвертая часть – возвращение к теме Чечни.

В. Познер: Ну мы с Вами начали с Чечни, давайте ей и закончим, завершим круг. Вы очень похвально высказывались (хотя это было в 2014 году) о младшем Кадырове (...) Вот с тех пор, рассматривая то, что происходит в Чечне, у Вас не изменилось мнение?

А. Асламбеков: Да, изменилось. Я стал его еще больше уважать, чем уважал до этого [32].

Можно ли выделить ключевое противоречие? Да, честный человек во власти (сам герой как бы по умолчанию находится в противоречии с коррупцией, «шашлычными генералами»...). При этом журналисту удается удерживать противоречие. Предмет конфликта является одинаковым для участников. Это столкновение по поводу образа интервьюируемого, интересы участников конфликта в этом случае: у журналиста - презентация героя, создание образа, у гостя - самопрезентация, создание образа.

При анализе действительности столкновения было выявлено, что конфликтные действия инициирует журналист, получаемая при этом информация обладает следующим характеристиками: значимая, содержательная, новая.

Также в сценарии взаимодействия можно выделить две точки, в которых проявляется столкновение позиций: борьба с контрафактной продукцией (Позиция журналиста: если вы знаете, то почему не решаете эту проблему?) и отношение к современной Чечне (Позиция журналиста: В Чечне идет насильственная исламизация, особенно среди женщин. Позиция гостя: Это общепринятая норма в Чечне).

Таким образом, интервью распадается на три основные части: вступительная, в которой создается образ детства героя. Часть, посвященная, коррупции и работе героя интервью по борьбе с контрафактной продукцией, где мы наблюдаем столкновение позиций, за счет чего обогащается образ героя интервью. И тема современной Чечни, где так же сталкиваются позиции

журналиста и героя интервью. Конфликт не получает развития, свою позицию журналист высказывает опосредованно.

При этом на протяжении всего интервью коммуникацией управляет журналист, используя такие фразы, как: «Сменим пока тему», «Объясните, пожалуйста, для зрителей», «Извините, пожалуйста, я вынужден Вас остановить. Вы хотите сказать, что...», «Ну, например, какая? « (про контрафактную продукцию), «Если позволите, вот уже близится к концу наша программа, я бы хотел еще затронуть вот какую тему...» [32].

Следующий слой в структуре конфликта связан с переживаниями, эмоциями. Следует отметить, что оба участника интервью практически не проявляют ярко выраженных эмоций, ведут себя подчеркнуто вежливо. При этом журналист управляет напряжением в конфликте. Например, во втором столкновении журналист не продолжает настаивать на своей позиции, а приписывает свое мнение другому человеку, высказывает её опосредованно и плавно переходит к следующей части интервью, Владимир Познер: «Ну хорошо. Мой приятель Марсель Пруст, если бы слышал Вас, то явно бы с Вами не согласился» [32].

Ценностные установки главного героя, которые стремится раскрыть журналист: Я – чеченец (идентичность), я – честный человек. Это удастся ему за счет конструирования конфликта в интервью. В столкновении позиций до этого констатируемые качества и взгляды героя проверяются. Эту проверку он успешно проходит.

Чем поддерживается образ исключительно честного героя (кроме, вопросов журналиста и ответов героя, о его жизни). «Честно. Честно отвечу» (в ответ на предложение журналиста ответить на вопросы Марселя Пруста» [32].

И прямое признание героя в ответ на вопрос журналиста. «Чем вы больше всего дорожите?» - «Честь» [32].

При этом нужно отметить, что интересы героя трудно определить в рамках всего интервью, но в столкновениях их можно увидеть четко: честь, честность.

Вопросы журналиста подобраны специально, чтобы проиллюстрировать самые яркие моменты жизни героя, доказывающие его ключевое качество - честность. Тип взаимоотношений - партнерский.

Таким образом, можно сделать вывод, что конфликт в данном интервью сконструирован и является управляемым. Конфликт в данном случае служит для того, чтобы более полно раскрыть образ героя.

Случай третий. Интервью Юлии Меньшовой с Дианой Арбениной (программа «Наедине со всеми»).

В данном интервью журналист Юлия Меньшова беседует с певицей Дианой Арбениной.

Ключевое противоречие - между образом, взглядами и убеждениями интервьюируемой в молодости и сейчас. Основной разрыв – это сложившиеся у публики представление о Диане Арбениной и то, какой она стала теперь. Журналист в данном случае намеренно выражает прежнее представление о героине, сталкивает её с ней же 20-летней.

Ю. Меньшова:

«Любопытно ваше утверждение, что «я не отличаюсь от людей вообще ничем», а в 20 лет вам наверняка казалось, что таких как я единицы» [24].

Еще пример:

Ю. Меньшова: - А если бы лет в 20 вам сказали, что такова ваша перспектива?

Д. Арбенина: Я бы не поверила [24].

Или:

Ю. Меньшова: Что такое открылось, и что такое произошло после рождения детей, почему вы говорите, что «я раньше была не интересная, зажатая, закрытая, недолюбленная, в общем ни о чём». Так вы себя формулируете.

Д. Арбенина: Была такой, стала другой. Я живу, как живу, и, вероятно, всё что со мной происходит, это для меня абсолютно логично. То есть у меня нет ощущения, что я что-то делаю намерено [24].

Еще пример:

Ю. Меньшова: А в чём вы себя не узнаете? В чём ваша слабость проявляется? В чём вы говорите ...ooo! Вот это да, вот раньше бы точно было бы не так.

Д. Арбенина: Мне кажется, что я вообще капитально изменилась. Но людям виднее всё-таки со стороны. Мне кажется, что я настолько стала ранима сейчас, как не была никогда в этой жизни, при том что меня сейчас любят намного больше.

Ю. Меньшова: А раньше было иначе?

Д. Арбенина: Ну до рождения детей вообще всё было иначе [24].

На протяжении всего интервью ключевое противоречие раскрывается за счет ряда наводящих, конкретизирующих вопросов журналиста. Удерживается за счет актуализации других противоречий, таких как: отношение к страху раньше и сейчас, отношение к семье раньше и сейчас, отношение к маме раньше и сейчас, отношение к свободе раньше и сейчас.

В ходе анализа также удалось определить интересы сторон. Интерес журналиста - раскрыть образ героини, интерес героини - рассказать о своих ценностях, которые являются неотъемлемой частью образа. При этом

журналист намеренно сталкивает героиню интервью с её прошлым опытом, дает возможность заявить о прежних и нынешних ценностях. Через столкновение героини с ней же 20-летней (этот образ звучит лейтмотивом в вопросах журналиста) интервьюер дает героине возможность рассказать об актуальных для неё ценностях.

При этом, кроме вопросов, раскрывающих ключевое противоречие, явно обращают на себя внимание вопросы, которые появляются у журналиста непосредственно в ходе беседы. Они являются ответной реакцией журналиста на увиденные им маркеры старого или нового образа героини. Подчеркивая, таким образом, произошедшие с ней перемены.

Д. Арбенина: Теперь так. Допустим, когда-то человек меня разочаровал, но ничего не фатально. Всё можно исправить.

Ю. Меньшова: Вот как здорово! Это же было ваше любимое слово. Раньше вы его употребляли просто сплошь: «Фатально».

Д. Арбенина: И сейчас тоже.

Ю. Меньшова: Но теперь вы говорите «НЕ фатально».

Д. Арбенина: Это да.

Ю. Меньшова: Это просто кардинальные перемены. Вот просто как бы разворот.

Д. Арбенина: Чем больше живу, тем больше убеждаюсь в том, что жизнь непредсказуема, и нельзя... Понятно, что не стоит предавать свои убеждения, но я против стагнации, понимаете, нельзя постоянно стоять на чём-то одном, и не пытаться меняться (...) Важно, как меняешься, и как под теми ударами, которые у каждого из нас обязательно всем нам предначертаны и обещаны. Да, как ты под ними переформулируешь свои установки [24].

Любимое слово Дианы Арбениной в данном контексте использовано героиней в несвойственной ей формой с частицей-отрицанием. Эта особенность была замечена журналистом, которая привлекла к ней внимание самой героини и зрителей как иллюстрацию изменений в её взглядах.

Конфликтные действия строятся журналистом на предмете идентичность, принадлежность (второй фактор). Он является одинаковым для обеих участниц интервью. В ходе интервью журналист делает явным для зрителей противоречие: Арбенина – бунтарь, как и в 20 лет, или взрослая, состоявшаяся женщина, мать?

При чем противоречие разрешается: героиня теперь другая, спокойная женщина, материнство её изменило.

В начале интервью журналист Юлия Меньшова говорит о героине следующее: «Про свою маму вы говорили, что у вас была так сказать сложная ситуация, когда вам было 18 лет, потому что вы хотели заниматься тем, чем вы хотели, а у неё было совершенно другие планы по поводу вас. Даже у неё было ощущение предательства, которое произошло, в связи с тем, что вы выбрали ту дорогу, которую выбрали – профессиональную и вообще жизненную» [24].

А в финале интервью противоречие получает разрешение в словах самой Дианы Арбениной: «Я хочу ровно того, чего хотела моя мама для меня. Я понимаю, что я просто повторяю путь жизненный мамин, вот просто точь-в-точь. Я хочу, чтобы Марта (дочь) вышла замуж, я хочу, чтобы Марта выбрала себе такую лёгкую и очень интеллектуальную профессию. Я хочу, чтобы она стала архитектором. Потому что она неплохо рисует. Я хочу, чтобы она была счастлива, чтобы она сразу нашла того человека, который бы о ней заботился, ну в общем вот такое...» [24].

Важно отметить, что на протяжении всего интервью конфликтные действия инициирует журналист. Информация, полученная с помощью таких действий, - значимая, содержательная, новая. Эмоционального напряжения при

этом не возникает. Наиболее сильную эмоциональную реакцию собеседника (улыбка, смех) вызвали вопросы журналиста, связанные с появлением в жизни Дианы Арбениной детей.

Таким образом, данное интервью является конфликтной конструкцией. Предмет конфликта - образ. Интересы сторон: журналиста – создать образ героини интервью для зрителей, интервьюируемой – рассказать о своих ценностях, которые являются одной из составляющей нового образа. Ключевое противоречие – это сложившиеся у публики представление о героине и то, какой она стала сейчас.

Это противоречие журналист актуализирует как за счет вопросов, подготовленных заранее, так и вопросов, возникших непосредственно в процессе беседы в качестве реакции на признаки пребывания героини в прежнем образе или наоборот, сигнализирующих о произошедших с ней переменах («Не фатально»).

Случай четвертый. Интервью Вячеслава Власенко с Петром Боевым и Иоанном Логиновым (программа «Актуальное интервью»).

Темой интервью журналиста Вячеслава Власенко с бывшими священниками Петром Боевым и Иоанном Логиновым, вышедшем в красноярской телевизионной программе «Актуальное интервью», стала отлучение героев интервью от церкви. Инициатором конфликтных действий при этом выступает журналист, они сводятся к следующему:

В. Власенко: «Скажите пожалуйста, вот прежде всего, уже ранее, ещё в том году, в конце того года на вас наложили достаточно серьёзное взыскание – вам запретили служение на 10 лет. Сейчас уже, ну с высокой так скажем трибуны, ваше учение предали анафеме. Вот как вы оцените такое вообще, и что же вот всё-таки за учение такое получилось?» [4]

Так как интервьюируемых двое, то каждый из них говорит о своем представлении о причинах произошедшего. Петр Боев акцентирует внимание журналиста и зрителей на том, что была нарушена процедура предания анафеме, Иоанн Логинов – на том, что у них нет никакого учения и говорит: «Конфликт происходит, наверное, на уровне слов. Дело в том, что сегодня я могу общаться, ну, наверное, с любой аудиторией, говоря на их языке о своих ценностях. То есть я не употребляю те слова, которые традиционны для христианства: «грех», «покаяние», даже слово «Бог» я могу не произносить, но внутреннее послание будет симметрично тому, чему учит христианство. Это осознанная жизнь, правильная жизнь, то есть конфликт на уровне внешнем, на уровне слов, как мы доносим» [4].

Следующее конфликтное действие журналиста – столкновение позиций интервьюируемых с целью прояснить понимание, обращаясь к Иоанну Логинову: «Тем не менее, вы говорите про слова, а вот отец Пётр сказал, что с точки зрения самой процедуры он всё-таки с этим не согласен. Вы как считаете?» [4].

Однако действия журналиста в данном случае не являются для собеседника очевидными. Происходит конфликт на уровне понимания, который разрешается после запроса собеседником дополнительной информации и разъяснения журналиста:

Иоанн Логинов: Так процедуры чего?

Вячеслав Логинов: Процедуры самого предания анафеме учения, что она как бы ну не от одного человека зависит, а от достаточно там много ступеней [4].

После получения ответа журналист обращается ко второму гостю Петру Боеву и снова возвращается к первому своему вопросу: «Скажите Пётр, не я так понимаю, что вы, ну то, что вы делаете, вы не считаете это учением. Скажите, а всё-таки что же вы делаете? Чем вы это считаете?». А получив ответ, задает

уточняющий вопрос: «То есть получается, вы выступаете не только, то есть не столько как священник, сколько как психолог, может как друг или там какой-то товарищ?» [4]. В данном случае уточняющий вопрос направлен на разъяснение позиции собеседника.

Однако следующее конфликтное действие журналиста снова строится вокруг учения, созданного бывшими священниками. Он спрашивает: «Скажите, пожалуйста, вот всё-таки на ваш взгляд, всё-таки, вас, ну, учение предали анафеме, вы ставили перед собой цель создать именно учение, или какую цель вы лично перед собой ставили?» [4]. Ответ получает конкретный: «Вот я приехал на этот эфир, мы как раз записывали наш новый проект, мы назвали его «Колобок», как не катиться всю жизнь по наклонной, как жертва, чтобы не пасть жертвой ситуации и обстоятельств. Вот людей выводим из этого состояния. Тут никакого учения быть не может. Это умение работать с людьми, и запускать в них внутренний двигатель» [4], - рассказывает Иоанн Логинов.

Следующее действие журналиста можно назвать спонтанным, оно не связано с подготовкой к интервью, погружением в проблему: «Ну, кстати, вот я сейчас вижу, и по вам, и по вам, что вы как минимум один запрет соблюдаете – вы священнические одежды сейчас не носите. А если не секрет, то вот что у вас за знаки, так сказать, на груди?» [4].

Однако после этого интервьюер снова возвращается к основной теме и спрашивает: «Ну вот скажите тогда, вопрос, наверное, и к вам, Иоанн, и к вам, Пётр: а не получилось ли так, что, может быть, действительно, что вы, ну, отошли именно от священного служения, и вот углубились, так сказать, в эти мирские дела? Не считаете ли вы, что, может быть, это вызвало такую вескую оценку вашей деятельности?» [4].

В этом конфликтном действии раскрывается ключевое противоречие. Все предыдущие вопросы журналиста (за исключением спонтанных, ситуативных, связанных с одеждой бывших священников) были направлены в большей

степени на разъяснение их позиции. В данном конфликтном действии представлена позиция второй стороны конфликта, которая оказалась за кадром. Журналист в данном случае не является выразителем позиции, он берет на себя роль второй стороны конфликта, одновременно озвучивая сомнения, которые могли бы появиться у зрителей при просмотре этого интервью.

Ответ Петра Боева: «То, чем мы начали заниматься некоторое время назад, это попытка выйти на других людей, которые в течение всей своей жизни, они находятся в поиске, но до храма они могут не дойти, просто в силу того, что уровень религиозной жизни в храме он таков, и всё, человек туда просто не подойдёт, не переступит, не зайдёт, вот. И поэтому школа с внутренним посылом чистоты, красоты, и святости, но оформленная внешне как, скажем, ну обычная, светская школа, ну мне кажется это запрос современности на сто процентов, и в этом лично я вижу те возможности, да, к которым меня господь подводит, да, через все эти запреты, анафемы, и т.д., то есть возможностей больше становится служить людям» [4].

В ответе собеседника главная тема интервью (конфликт с официальной православной церковью, который привел к отлучению священников от церкви) получает другую трактовку: конфликт – это новые возможности.

В завершении интервью журналист актуализирует еще одно противоречие: отношение к священникам их близких до отлучения от церкви и после. Однако на этом материале конфликта не получается и интервьюер задает следующий вопрос в поддержку предыдущего. «Я увидел, что люди наоборот укрепились, находятся рядом, поддерживают. Те, кто в сомнениях, я смотрю это как на школу такого испытания и становления, поэтому всё нормально» [4], - отвечает Петр Боев.

Отметим, что напряжения в конфликте не возникает, управление коммуникацией осуществляет журналист, эмоциональный фон интервью

спокойный, нет ярких проявлений конфликтных переживаний ни с одной из сторон.

При этом в ходе анализа конфликтных действий явно выделяется ключевое противоречие: официальная церковь и позиция священников, которые хотят говорить с верующими на понятном для них языке. За кадром остается конфликт по первому фактору (статус), а в основе интервью – конфликт по третьему фактору (разрывность во внешнем предметном материале, задача на восстановление целостности).

Интересы сторон: у интервьюера – противопоставить взгляд официальной церкви деятельности бывших священников, актуализировать таким образом ключевое противоречие. У интервьюируемых: представить свою позицию. Предмет столкновения – отношение к общественно значимой проблеме (в данном случае - отлучении красноярских священников от церкви).

Случай пятый. Интервью Владимира Познера с Анатолием Максимовым (программа «Познер»).

Центральной темой данного интервью стала негативная реакция критиков и аудитории на фильм «Викинг». Гость программы – Анатолий Максимов, продюсер этого фильма, который имеет непосредственное отношение к его созданию.

Журналист в данном случае не представляет противоположную позицию по отношению к интервьюируемому, а как бы присоединяется к ней. Вторая сторона конфликта – это зрители и критики, которым фильм не понравился, их позиция в интервью не озвучена. А те приемы, которые использует журналист для конструирования конфликта, дают однозначную трактовку ситуации: фильм хороший.

В. Познер: «Некоторые ваши противники написали петицию, чтобы привлечь к ответственности создателей фильма «Викинг» за оскорбление

чувств думающих (это же надо такое придумать). Вот, чтобы вы ответили на то, что эти зрители увидели на экране себя, и им они не понравились» [31].

Отдельный блок вопросов посвящен следующему психологическому противоречию: огромное число зрителей чувствуют себя обиженными этим фильмом, считают, что в нем показана неправда. Однако никаких достоверных источников о том времени, когда происходит действие фильма, не сохранилось (единственное сохранившееся свидетельство - «Повесть временных лет» была написана не современником - спустя 100 лет). О том, как все происходило на самом деле, не знает никто, а значит и никакого возмущения и обвинений в неправде фильм вызывать не может.

В. Познер: «Нет свидетельств – и такая бурная реакция, как будто это касается нас сегодня. Как вы это понимаете?» [31]

Или:

В. Познер: «Люди рассуждают категорично и безапелляционно, практически ничего не зная. Это как? Неужели человек не отдает себе отчет в том, что он об этом ничего не знает» [31].

Говоря о конфликтных действиях журналиста, отметим, что вопросы, связанные с неприятием фильма публикой, строятся для интервьюируемого в форме подсказок:

А. Максимов: «Я был поражен количеством людей, которые были обижены этим неправильным, на их взгляд, фильмом» [31].

В. Познер: «Чем? Я читал-читал, пытался вычленить то, что вызвало наибольшее возмущение. Одно что наши предки показаны очень уж грязными, неумытыми, неряшливыми. Между прочим, все тогда были грязными, особенность Средневековья (...) Два: князь Владимир показан как убийца, насильник, под его руководством, значит, страшные преступления совершались. Далее: язычество славян показано как что-то жуткое, страшное,

отсталое. Само крещение Руси показано как жестокий акт принуждения, что ли. Потом не нравится, что Владимир кается и жестоко страдает. Еще много чего можно найти, но в общем это сводится вот к чему: что вы показали наших предков не в самом лучшем свете. Почему это так обижает?» [31].

А. Максимов: «Я понимаю это как то, что в головах есть какая-то преуготовленность к своему прошлому, где всё должно быть так, как в мечтах» [31].

При просмотре и анализе интервью становится очевидным, что донести именно эту позицию и является целью интервью. Конфликт в данном случае строится на противопоставлении Мы - Они (создатели фильма и аудитория).

В вопросах при этом конструируется конфликт по третьему фактору – разрывность во внешнем предметном материале. Это разрыв между ожиданиями публики и её реакцией на фильм, между создателями фильма и аудиторией, между отношением к своей истории и восприятием себя.

При чем последнее противоречие активно используется для того, чтобы нивелировать негативную реакцию на фильм аудитории. Приведем примеры данных конфликтных действий:

В. Познер: «В одном из интервью сказали: «Мы делали фильм про непрошедшее прошлое, Past Present. Трудно представить, что события тысячелетней давности могли стать актуальными для очень многих, но это случилось. Это фильм о личном выборе человека и о том, как этот выбор становится частью истории. Большой истории». Вот непрошедшее прошлое Past Present – это термин в английской грамматике, но можно применить его и к истории: выходит, что снимая фильм о том, что происходило 1000 лет назад, вы сделали фильм о сегодняшнем дне. Это так?»

А. Максимов: «Совершенно верно» [31].

Кроме того, одной из причин неприятия фильма аудиторией гость программы называет существующий разрыв между кинопроизводством и зрителями, малого количества качественных российских фильмов («фильм вне зоны ожиданий» [31]).

А. Максимов: «Мы говорим сейчас о разрегулированных отношениях между теми фильмами, которые снимают, и теми людьми, которые смотрят. Отчасти, соглашусь с вами, мы оказались в расщелине между этими берегами. (...) Если восстановится коммуникация с аудиторией (а я верю, что такой день настанет), то и критики подтянутся, они не в авангарде. Но восстанавливать отношения сильно сложнее, чем устанавливать» [31].

Также в интервью активно используется противоречие: ненависть и любовь.

А. Максимов: Можно сказать, что то злобное, пенящееся раздражение, с которым был принят фильм, – это отчасти форма любви [31].

В. Познер: «Мне показалось, что причина этой злобной критики – отчасти зависть. И к вам, и к Эрнсту, к благополучию. Большой успех - это дико раздражает» [31].

При этом происходит подмена понятий, неприятие фильма аудиторией рассматривается не только как форма зависти или любви, но в целом – как позитивное высказывание:

А. Максимов: «То, что есть реакция на фильм – это волшебно. Только так можно сделать из фильма событие. В раме есть такое правило: Если есть информация, вы обязаны донести её через конфликт» [31].

Подчеркнем также, что инициатором конфликтных действий является журналист, за счет конфликтных действий получена значимая (для укрепления позиции) информация, на протяжении всего интервью коммуникацией управляет интервьюер. Наиболее сильную эмоциональную реакцию вызвало

высказывание интервьюируемого о том, что ненависть к фильму - это форма любви к нему (улыбка, одобряющий смех журналиста).

Ключевое противоречие при этом - это разрыв между провозглашаемым высоким качеством фильм и негативным восприятием его аудиторией. Журналисту удастся удерживать противоречие в течение всего интервью.

Таким образом, интервью в данном случае строится как конфликтная конструкция, цель которой донести до аудитории отношение интервьюируемого к определенной общественно значимой проблеме (в данном случае - негативная реакция аудитории и критиков на фильм «Викинг»). Для этого оформляется противоречие. Действия участников интервью направлены на то, чтобы сделать его очевидным аудитории: фильм хороший - реакция на него плохая.

Чтобы донести позицию до аудитории это противоречие конкретизируется, распадается на ряд составляющих: нет исторических свидетельств о событиях в фильме – значит он не может быть неправдивым; зрители обиделись, потому что увидели в образах героев себя, и они себе не понравились; реакция на фильм была хоть и негативной, но широкой – фильм не был принят равнодушно; конфликт вокруг фильма – способ донести информацию для зрителя; зрители не привыкли видеть качественное российское кино – они просто его не поняли; фильм вступил в конфликт с раздутым и нездоровым чувством национальной гордости россиян; ненависть как форма любви.

В данном случае ход беседы и конструирования конфликта в интервью решался журналистом на этапе подготовки (поиск противоречий в теме). Однако так как интервьюер не выступал как сторона конфликта, а присоединился к интервьюируемому, то в интервью не прозвучали вопросы, направленные на отыскание противоречий в позиции собеседника в процессе беседы. Это объясняется целью интервью - донести до зрителя позицию собеседника, которую журналист также поддерживает.

Таким образом, в процессе интервью противоречие фильм хороший - реакция плохая - за счет действий журналиста становится сначала очевидным (явленным) для зрителей программы. А потом разрешается за счет утверждения позиции создателей «Викинга»: фильм хороший.

Случай шестой. Интервью Владимира Познера с митрополитом Илларионом (программа «Познер»).

В данном интервью журналист Владимир Познер беседует с представителем Русской православной церкви Митрополитом Илларионом. Среди предпринимаемых интервьюером конфликтных действий можно выделить следующие:

- Выяснение целей и мотивов собеседника. Журналист задает вопрос о цели, которую его собеседник ставит перед собой.

В. Познер: Вот судя по вашим должностям, да и тому, что вы довольно часто говорите, вы крайне занятой человек, у вас вообще не бывает свободного времени. Я, конечно, очень в связи с этим ценю то, что вы пришли в мою программу. Но учитывая, то что, я только что сказал, я понимаю, что вы пришли не просто чтобы мило поговорить, очевидно, у вас какая-то цель вашего прихода. Поэтому сам хочу вас просить, если цель есть, то какая?» [29].

Митрополит Илларион: «Всё что я делаю, я делаю с одной целью. Служить богу, церкви, и людям. Поэтому, если я в чём-то вижу возможность говорить о Христе, говорить о Боге, говорить о церкви, озвучивать позицию церкви, озвучивать свою позицию по каким-то вопросам, то я стараюсь использовать эту возможность» [29].

- Действия, направленные на актуализацию «разрывов» (противоречий).

- Ситуационные действия, которые являются реакцией журналиста на важные с точки зрения ключевого противоречия высказывания собеседника.

Остановимся на двух последних типах действий подробнее. И в первую очередь на «разрывах», лежащих в основе данного интервью. Примечательно, что, в данном интервью, как и в случае, с обозначением целей, журналист так же напрямую просит гостя программы рассказать о «вызовах» стоящих, по его мнению, сегодня перед Русской православной церковью.

Митрополит Илларион называет следующее: «Тот беспрецедентный рост церкви, который произошёл, он для всех нас имел очень большой вызов, потому что по сути дела церковь за эти годы вышла из катакомб (...) Надо искать новых людей, надо людей воспитывать, надо людей обучать, и надо приучать к тому, что церковь является полноценным участником общественных дискуссий, общественных процессов, а это значит, что мы должны уметь говорить с обществом на том языке, на каком говорит общество» [29]. А также отмечает, что «вызовом является та потребительская идеология, которая сегодня людям так навязывается или внушается через средства массовой информации, через систему образования». Кроме того, в процессе беседы гость программы формулирует еще один важный вызов: «Вот вы говорите о вызовах. Наверно самым главным вызовом церкви с самого начала, было то, что она создавалась из живых людей, из тех же самых людей, из которых создано общество» [29], - говорит митрополит Илларион.

В свою очередь журналист противопоставляет этим вызовам те противоречия, которые он считает актуальными. Взгляд церкви противопоставляется взглядам представителя интеллигенции. Это, например, разрыв «разрыв между номинальными православными и реальными православными», конфликта между русской православной церковью и либеральными западными свободами, противоречие между декларируемым невмешательством церкви в дела государства и принятия некоторых законов, которые позволяют церкви такое вмешательство.

Приведем примеры таких конфликтных действий журналиста.

Разрыв между номинальными и реальными православными: «Так вот хотел обратить внимание, может быть, вы это знаете, лично этого не знал, выяснилось, что согласно опросам ВЦИОМа, доля Россиян, соблюдающих великий пост, совсем не велика. Вернее, полностью соблюдают, это всего 3%, всего 3%. Это при том, что примерно три четверти говорят, что они православные. Какое-то некоторое несоответствие. И ещё, вот согласно опросу «Левада-Центра», 61% тех, кто называет себя православными, вообще никогда, никогда, в жизни в руки Библию не брал, вообще не брал. Вот ни кажется ли вам, что на самом деле, понятие православный, у многих сливается просто с понятием русский. Скажи, ты русский, - да, ты православный, - да, то есть это где-то одно и то же, и отношение к этому скорее, как к национальной принадлежности, чем к чему-то другому, или я заблуждаюсь?» [29].

Противостояние православной церкви и либеральных ценностей Запада: «Одна из тем, которая меня очень интересует, это явно антизападный взгляд Русской Православной Церкви. Очень часто и у вас даже в речах, возникают эти слова – западный либерализм, так называемые демократические свободы. Почему они «так называемые»? Вообще почему это, что это за какое-то внутреннее осуждение, неприятие Запада, хотя запад состоит из множества разных стран, с разными культурами, разными историями, шведы не похожие на португальцев совершенно, и, тем не менее, всё туда в одну какую-то чуть ли не враждебную кучу» [29].

Конфликтные действия, направленные на актуализацию противоречия между декларируемым невмешательством церкви в дела государства и неоднозначными фактами:

В. Познер: Вы только что сказали, что мы не должны вмешиваться. Мы не вмешиваемся в политические противостояния и т.д. и т.д. (...) Но это же вы, прямо цитирую, вы говорите о политике, вы осторожно не говорите чья это стратегия. Вы не обвиняете запад, и вы не обвиняете Соединенные Штаты, хотя

конечно, имеющий глаза да увидит. Но вот вы же это политическое заявление, а вы говорите, что мы о политике не говорим. Противоречие.

Митрополит Илларион: Вы знаете, я не вижу здесь противоречий, потому что, ну что значит, вмешиваться в политику, и что значит давать оценку политическим событиям. Это такие разные вещи [29].

Конфликтные действия раскрывают ключевое противоречия, на котором журналист строит интервью: Церковь и современное общество. Кроме этого, основное противоречие дополняется и конкретизируется за счет актуализации других разрывов: подлинные чувства и приспособление в православии, противопоставление православных и атеистов (Владимир Познер: «Сегодня в России говорить, «Я православный», это примерно то же само, что в СССР было сказать, «Я коммунист», то есть очень это приветствуется. А говорить, «Я атеист», примерно то же самое, как в советское время сказать, «Я верующий», это не приветствуется, и даже я знаю атеистов, которые стесняются сегодня об этом говорить. И поэтому цифра атеистов намного меньше, официально, чем есть на самом деле. То есть вообще получается не убеждения, а получается, ну как бы так политкорректно встроиться. Вот эта проблема вас никак не беспокоит?» [29].) и других, названных выше.

Инициатором конфликтных действий всегда является журналист. При этом для интервью характерна чёткая организация процесса общения, управление коммуникацией, которое непосредственно связано с удержанием предмета конфликта:

«Я бы хотел просто обозначить те темы, которых хотел бы коснуться во время нашего разговора. Их не много, всего три: Во-первых, это состояние православия в России сегодня, и традиционно тоже, кстати говоря. Во-вторых, это взаимоотношение Русской Православной Церкви и государства в России, - и традиционно, и сегодня. Наконец, это соотношение церковь и власть. Три темы очень большие, но хоть как-то их затронуть, потому что я думаю, что они

интересуют большинство людей» [29], - говорит Владимир Познер в начале интервью и в течение всей беседы удерживает эти темы в качестве ключевых для общения.

Эмоциональный фон спокойный, ярко выраженных конфликтных переживаний стороны не проявляют. При этом конфликтная конструкция в данном случае строится как столкновение двух позиций, двух трактовок одной общественной проблемы (отношения церкви и государства). Интерес журналиста: построить интервью таким образом, чтобы сделать явными для зрителя ключевое противоречие. Интерес гостя программы: представить свое отношение к проблеме. Сам процесс интервью является процессом удержания противоречия. Можно сделать вывод, что данное интервью является конфликтной конструкцией.

Случай седьмой. Анализ интервью Ильи Зайцева с Дмитрием Милёхиным и Игорем Воевалко («После новостей», ТВК).

Программа «После новостей» (ТВК), интервью журналиста Ильи Зайцева с Д. Милёхиным и И. Воевалко по поводу изменения схемы движения в городе. В центре внимания журналиста – вопросы на разъяснение информации (так как данная информация является важной для зрителей и ей обладают интервьюируемые).

Это такие вопросы как: «Кто это всё придумал и действительно ли это репетиция, и это всё Красноярску еще предстоит?», «Что вы сделали, чтобы проинформировать красноярцев о тех изменениях, которые в городе будут?», «Сотрудники ГИБДД какое время еще будут дежурить на этих опасных перекрестках?», «Какая ситуация может сложиться в городе, когда перекроют Коммунальный мост?», «Какие дальнейшие ограничения грозят красноярским автомобилистам?», «Когда перекроют проспект Мира?» [9].

Также это уточняющие вопросы на понимание информации: «И это репетиция ведь, правильно?», «Вы можете честно сказать, что с учетом

озвученных ремонтных работ, красноярца лучше пересаживаться на общественный транспорт?» [9].

Кроме того, вопросы от аудитории, озвученные журналистом:

«Резонный вопрос, которым задаются многие: ремонтные работы еще не начались, а вы уже всё перекрыли...», «Спрашивают зрители: Почему нельзя было съезд с Четвертого моста сначала отремонтировать, а потом другой ремонт затевать?», «До каких пор не будут наказывать, а будут информировать?» [9].

В данном случае журналист не представляет позицию или отношение к проблеме, не строит противоречие на основе образов интервьюируемых, его задача – разрешить противоречие между потребностью аудитории в информации и невозможностью её получить без участия носителей этой информации и специальной организации (которой и становится интервью). Вопросы в данном случае не требуют серьезной подготовки журналиста, его цель – запрос информации и получение сообщения по конкретному вопросу.

Случай восьмой. Интервью Ильи Зайцева с Ильей Владимировым («После Новостей», ТВК).

В интервью Ильи Зайцева с директором web-студии Ильёй Владимировым о новом компьютерном вирусе вопросы журналиста свелись в данном случае к следующим:

«Илья Владимирович, главный вопрос: стоит ли красноярцем в повседневной жизни опасаться этого вируса?», «То есть именно с этим связано, что новым вирусом оказались заражены компьютеры Сбербанка, МВД...?», и еще для понимания: Компьютеры обычных граждан также в опасности?» [10].

Это иллюстрирует запрос журналиста на информацию по конкретному вопросу, которая является важной для аудитории. Конечная цель – получение такого сообщения от интервьюируемого. Как в предыдущем случае, основной конфликт в данном интервью – между запросом аудитории на информацию и невозможностью её получить без специальной организации (которой и становится интервью).

Случай девятый. Интервью Давида Абаджана С Денисом Рубцовым («Новости», СТС-Прима).

Рассмотрим еще один случай: «Новости» на канале СТС-Прима, сюжет о последней тренировке футбольной команды «Енисей» перед историческим матчем. Интервью с директором команды Денисом Рубцовым. В данном случае задача журналиста – получить от интервьюируемого эмоциональную информацию, которая представляет важность для аудитории.

Его вопросы звучат так:

«Какие чувства у вас творятся внутри? Ведь это один из самых ответственных матчей в вашей карьере?», «Скажем так: ночью спокойно спали?», «Вопрос про подготовку. Вы сказали, что команда готовится в штатном режиме, тем не менее всё ли готово к игре? И как команда настроена?», «О сопернике. «Тулский арсенал» – команда, которая уже была в Премьер-лиге, повидала многое и многих. Нам по зубам?» [1].

В этом случае, как и в рассмотренных выше, журналист не конструирует конфликт, основываясь на образе интервьюируемого или отношении к какой-либо проблеме, его цель – получить информацию по конкретному вопросу. Эта цель достигается путем «предоставления трибуны» собеседнику, а также нескольких уточняющих вопросов, проясняющих понимание.

3.2. Анализ полученных данных.

Анализ полученных данных приведем в виде таблицы для большей наглядности (таблица 1)

Таблица 1. Анализ полученных данных

№ п/п	Название интервью	Является ли конфликтной конструкцией	Ключевые типы вопросов в интервью	Действия, которые журналист выполняет в зависимости от типа вопросов	Предмет конфликта
1.	Интервью Владимира Познера с Сергеем Шнуровым (программа «Познер»)	Да	Вопросы-конфликтные действия, направленные на актуализацию противоречий в образе интервьюируемого.	<p>1. В процессе интервью:</p> <ul style="list-style-type: none"> - поиск слов и фраз-маркёров, указывающих на существующие противоречия в образе. <p>2. На этапе подготовки:</p> <ul style="list-style-type: none"> - поиск противоречий в образе интервьюируемого; - конструирование столкновений на основании выявленных противоречий. 	Образ интервьюируемого

2.	Интервью Владимира Познера с А.Аслахановым (программа «Познер»)	Да	Вопросы-конфликтные действия, направленные на актуализацию противоречий в образе интервьюируемого.	1.В процессе интервью: - поиск слов и фраз-маркёров, указывающих на существующие противоречия в образе. 2.На этапе подготовки: - поиск противоречий в образе интервьюируемого - конструирование столкновений на основании выявленных противоречий.	Образ интервьюируемого
3.	Интервью Юлии Меньшовой с Дианой Арбениной (программа «Наедине со всеми»)	Да	Вопросы-конфликтные действия, направленные на актуализацию противоречий в образе интервьюируемого.	1.В процессе интервью: - поиск слов и фраз-маркёров, указывающих на существующие противоречия в образе. 2.На этапе подготовки: - поиск противоречий в образе интервьюируемого - конструирование столкновений на основании выявленных противоречий.	Образ интервьюируемого

4.	Интервью Вячеслава Власенко с Петром Боевым и Иоанном Логиновым (программа «Актуальное интервью»)	Да	Вопросы-конфликтные действия, направленные на актуализацию противоречий в позиции интервьюируемого по отношению к какой-либо общественно значимой проблеме.	<p>1. В процессе интервью:</p> <ul style="list-style-type: none"> - поиск слов и фраз-маркёров, которые будут указывать на слабые места или противоречия в позиции интервьюируемого <p>2. На этапе подготовки:</p> <ul style="list-style-type: none"> - анализ ситуации или проблемы; - самоопределение, выбор позиции по отношению к ней; - построение ключевого противоречия, основанного на противопоставлении двух позиций по проблеме. 	Отношение к общественно значимой проблеме
5.	Интервью Владимира Познера с Анатолием Максимовым (программа «Познер»)	Да	Вопросы-конфликтные действия, направленные на актуализацию противоречий в позиции интервьюируемого по отношению к какой-либо общественно значимой проблеме..	<p>1. В процессе интервью:</p> <ul style="list-style-type: none"> - поиск слов и фраз-маркёров, которые будут указывать на слабые места или противоречия в позиции интервьюируемого <p>2. На этапе подготовки:</p> <ul style="list-style-type: none"> - анализ ситуации или проблемы; - самоопределение, выбор позиции по отношению к ней; 	Отношение к общественно значимой проблеме

				- построение ключевого противоречия, основанного на противопоставлении двух позиций по проблеме.	
б.	Интервью Владимира Познера с митрополитом Илларионом (программа «Познер»)	Да	Вопросы-конфликтные действия, направленные на актуализацию противоречий в позиции интервьюируемого по отношению к какой-либо общественно значимой проблеме..	<p>1.В процессе интервью: - поиск слов и фраз-маркёров, которые будут указывать на слабые места или противоречия в позиции интервьюируемого</p> <p>2.На этапе подготовки: - анализ ситуации или проблемы; - самоопределение, выбор позиции по отношению к ней; - построение ключевого противоречия, основанного на противопоставлении двух позиций по проблеме.</p>	Отношение к общественно значимой проблеме

7.	Интервью Ильи Зайцева с Игорем Воевалко и Дмитрием Милёхиным («После новостей», ТВК)	Да	Вопросы как действия, с помощью которых разрешается конфликт между запросом аудитории на информацию и невозможностью её получить без специальной организации (интервью).	<p>1.В процессе интервью: - вопросы-уточнения.</p> <p>2.На этапе подготовки: - изучение вопроса, по поводу которого будет интервью; - составление вопросов, которые помогут интервьюируемому у разьяснить суть происходящего.</p>	Информирование аудитории
8.	Интервью Ильи Зайцева с Илей Владимировым («Новости», ТВК)	Да	Вопросы как действия, с помощью которых разрешается конфликт между запросом аудитории на информацию и невозможностью её получить без специальной организации (интервью).	<p>1.В процессе интервью: - вопросы-уточнения.</p> <p>2.На этапе подготовки: - изучение вопроса, по поводу которого будет интервью; - составление вопросов, которые помогут интервьюируемому разьяснить суть происходящего.</p>	Информирование аудитории

9.	Интервью Давида Абаджана с Денисом Рубцовым («Новости», СТС-Прима)	Да	Вопросы как действия, с помощью которых разрешается конфликт между запросом аудитории на информацию и невозможностью её получить без специальной организации (интервью).	1.В процессе интервью: - вопросы-уточнения. 2.На этапе подготовки: - изучение вопроса, по поводу которого будет интервью; - составление вопросов, которые помогут интервьюируемому у разьяснить суть происходящего.	Информирование аудитории
----	--	----	--	---	--------------------------

В результате проведенного анализа мы выявили, что все рассмотренные интервью являются конфликтными конструкциями.

При этом определенному типу предмета конфликта в интервью соответствуют ключевые вопросы интервьюера (конфликтные действия), которые будут различными для каждого типа предмета конфликта.

Также предмет конфликта в интервью определяет действия, которые выполняет журналист как при подготовке интервью, так и непосредственно в его процессе.

Так, для интервью, предметом конфликта в которых является **образ интервьюируемого**, действия, которые предпринимает журналист *на этапе подготовки* сводятся к следующим:

1. Поиск противоречий в образе;

2. Составление вопросов, которые это противоречие будут раскрывать.

Это такие действия, как:

- конструирование конфликта по второму фактору, идентичность (пример: Диана Арбенина - бунтарь или спокойная, зрелая женщина, мать. К какой категории сама себя относит?).

- действия, направленные на столкновение героя с его прежними поступками или высказываниями, противоречащим его образу (например, в интервью с Сергеем Шнуровым: раньше всех, кто работает на телевидении, герой называл идиотами, а сейчас сам там работает). Конструирование конфликта по третьему фактору – разрывность во внешнем предметном материале. По четвертому фактору: в интервью В. Познера с А. Асламбековым в центре конфликта находится чувство самооценности. Конфликтные действия конструируются для интервьюируемого как столкновения с самим собой. При этом информация о герое не декларируется, а проходит проверку «усомнением».

Действия, которые журналист предпринимает *в процессе интервью*, направлены на то, чтобы актуализировать противоречия в образе, сделать его оформленным.

Такие действия включают в себя поиск фраз и слов-маркёров в речи собеседника, которые показывают противоречия в образе. Пример из интервью Юлии Меньшовой с Дианой Арбениной:

Д. Арбенина: Теперь так. Допустим, когда-то человек меня разочаровал, но ничего не фатально. Всё можно исправить.

Ю. Меньшова: Вот как здорово! Это же было ваше любимое слово. Раньше вы его употребляли просто сплошь: «Фатально».

Д. Арбенина: И сейчас тоже.

Ю. Меньшова: Но теперь вы говорите «НЕ фатально».

Д. Арбенина: Это да [24].

При анализе интервью, предметом конфликта в которых является **отношение к общественно значимой проблеме**, было выявлено, что вопросы (конфликтные действия журналиста) можно разделить также на два типа:

Первый – вопросы, которые составляются *на этапе подготовке интервью* и являются его ядром. Чтобы составить такие вопросы журналисту необходимо:

- провести анализ ситуации или проблемы;
- определить: какую позицию он занимает по отношению к ключевому противоречию? Какие «разрывы», детализирующие ключевое противоречие, можно обнаружить?
- противоречие строится на противопоставлении двух позиций (ведущий-гость, как в интервью В. Познера с митрополитом Илларионом, Интервью В. Власенко с П.Боевым и И.Логиновым или ведущий и гость против аудитории как в интервью с А. Максимовым).

Второй – *вопросы ситуационные*, которые не готовятся заранее, а возникают в ходе беседы, если журналист обнаружил противоречивость в словах собеседника (слабость, противоречивость его позиции).

Они являются реакцией на высказывания интервьюируемого, в которых журналист видит значимость с точки зрения раскрытия основного противоречия (ситуационные действия).

Приведем пример из интервью В.Познера с митрополитом Илларионом

Митрополит Илларион: Слава богу. И мы за это и любим Толстого. За его романы.

В. Познер: Хотя его и отлучили?

Митрополит Илларион: Хотя он сам себя отлучил [29].

В этом фрагменте интервью вопрос журналиста не продумывался на этапе подготовки, он является реакцией на конкретное высказывание интервьюируемого.

С точки зрения конструирования конфликта данный вопрос является важным как ответ на замеченное журналистом противоречие в словах собеседника.

Таким образом, задача журналиста в ходе интервью состоит в удержании ключевого противоречия и поиска слов или фраз, сигнализирующих о слабых местах в позиции собеседника, если они могут дать дополнительную важную и значимую информацию о его отношении к общественно важной проблеме.

При анализе интервью было выявлено, что отдельную группу составляют интервью, где предметом конфликта является **информирование аудитории**.

При этом типе предмета конфликта в интервью журналист не ставит перед собой задачи дать представление зрителю об образе говорящего или о его отношении к какой-либо общественно значимой проблеме. Его цель - получить информацию. Журналист позицию не занимает, между ним и интервьюируемым не конструируется конфликт.

В таких интервью конфликт следует понимать как разрыв между запросом аудитории на информацию и невозможностью её получить без специальной организации. При этом действия, которые осуществляет журналист для такого интервью также можно разделить на два типа:

1) Действия, которые предпринимает журналист *на этапе подготовки*. Это изучение вопроса, по поводу которого будет интервью и составление вопросов, которые помогут говорящему разъяснить суть происходящего;

2) Действия *во время интервью* - это вопросы-уточнения.

Таким образом, предметом конфликта в интервью может быть образ интервьюируемого, отношение к общественно значимой проблеме или информирование аудитории.

В отличие от типа предмета в интервью будут различаться действия журналиста при подготовке к интервью и непосредственно во время его проведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своей исследовательской работе мы рассмотрели интервью как конфликтную конструкцию. Мы доказали, что в основе интервью лежит один из трёх типов предмета: 1) образ интервьюируемого; 2) отношение к общественно значимой проблеме; 3) информирование аудитории.

Проводя исследование, мы выполнили следующие задачи:

- рассмотрели специфику телевизионного интервью как аналитического жанра журналистики и метода сбора информации;
- разработали критерии для анализа интервью как конфликтной конструкции;
- провели анализ телевизионных интервью;
- описали действия, которые должен выполнить журналист при конструировании конфликта в интервью.

Мы выяснили, что в зависимости от типа предмета в конфликте, конструируемом в интервью, будут различаться и действия журналиста при подготовке к интервью и непосредственно во время его проведения. Результаты данного исследования представляют ценность с точки зрения психологической подготовки журналиста к интервью и частично восполняют недостаток психологических знаний в работе журналиста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаджан, Д. «Новости. СТС-Прима» (24.05.2017) [Интервью с Денисом Рубцовым, видео] / Д. Абаджан. Режим доступа http://www.prima-tv.ru/news/sport/45261-poslednyaya_trenirovka_eniseya_pered_istoricheskim_matchem/
2. Анцупов, А.Я. Конфликтология: учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. - Спб.: Питер, 2014. - 512 с.
3. Анцупов, А.Я. Конфликтология: теория, история, библиография / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – Москва: ГА ВС, 1996. – 142с.
4. Власенко, В. «Актуальное интервью» (14. 03. 2017) [интервью с бывшими священниками П. Боевым и И.Логиновым, видео] / В. Власенко. Режим доступа http://tck.tv/programs?program_id=3&release_id=2343&page=4#release_2343
5. Горохов, В.М. Журналистское мастерство : Лекции для студентов фак. и отделений журналистики гос. ун-тов / В. М. Горохов. - М. : Изд-во МГУ, 1981. - 64 с.
6. Джандалиева, Е. Ю. Портретное интервью как жанр речевого общения: некоторые особенности коммуникативного поведения участников (на материале немецкого языка) / Е. Ю. Джандалиева // Научный диалог. – 2012. – № 12: Филология. – С. 86–101.
7. Дзялошинский, И.М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху / И.М. Дзялошинский. - М.: Аспект Пресс, 1996. – 201 с.
8. Емельянов, С.М. Практикум по конфликтологии / С.М. Емельянов. – Спб.: Питер, 2003. - 324 с.
9. Зайцев, И. «После новостей» (23.05.2017) [Интервью с Д. Милёхиным и И. Воевалко, электронный ресурс] / И. Зайцев. Режим доступа <http://tvk6.ru/publications/after-news/26766/>
10. Зайцев, И. «Новости» (16.05.2017) [Интервью с Ильёй Владимировым, видео] / И. Зайцев. Режим доступа <http://tvk6.ru/publications/news/26633/>
11. Засурский Я.Н. Система средств массовой информации России: учебное пособие / Я.Н. Засурский. - Москва: Аспект пресс, 2001. - 259 с.

12. Иванова, И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности: автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. В. Иванова. – Астрахань, 2009. – 24 с.
13. Ким, М.Н. Технология создания журналистского произведения / М.Н. Ким. - СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. - 274 с.
14. Князев, А. «Основы тележурналистики и телерепортажа» [Электронный ресурс] / А. Князев. Режим доступа: <http://www.evartist.narod.ru/text1/12.htm> - 09.06.2016
15. Князев, А. - «Журналистика конфликта» [Электронный ресурс] / А. Князев. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/10.htm>
16. Колесниченко, А.А. Настольная книга журналиста / А.А. Колесниченко - М.: Аспект Пресс, 2001. - 334 с.
17. Лазутина, Г.В. Основы творческой деятельности журналиста: Учебное пособие / Г.В. Лазутина. – М., Аспект Пресс, 2001. – 347с.
18. Леонтьев, А.Н. — «Потребности, мотивы и эмоции» [Электронный ресурс] / А.Н. Леонтьев. Режим доступа: <http://www.klex.ru/ck1>
19. Леонтьев, А.А. Психология общения. 2-е изд., испр. и доп / А.А. Леонтьев. - Москва: Смысл, 1997. - 546 с.
20. Лукина, М. М. Технология интервью: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика» / М.М. Лукина. - М.: Аспект Пресс, 2003. - 188 с.
21. Мельник, Г.С. Общение в журналистике: секреты мастерства / Г.С.Мельник. - СПб.: Питер, 2005. - 217 с.
22. Мельник, Г.С. Интервью и его виды / Г.С.Мельник, А.Н. Тепляшина // Основы творческой деятельности журналиста. - СПб.: Питер, 2006. - С.124-128
23. Мельников, М. Прикладная конфликтология для журналистов / М. Мельников. - СПб.: Питер, 2004. – 284 с.
24. Меньшова, Ю. «Наедине со всеми» (17.03.2017) [Интервью с Дианой Арбениной, видео] / Ю. Меньшова. Режим доступа

- <http://www.1tv.ru/shows/naedine-so-vsemi/vypuski/gost-diana-arbenina-naedine-so-vsemi-vypusk-ot-17-03-2017>
25. Муратов, С.А. «ТВ – эволюция нетерпимости» [Электронный ресурс] / С.А. Муратов. Режим доступа: <http://www.eartist.narod.ru/text16/092.htm>
 26. Муратов, С. А. Телевизионное общение в кадре и за кадром / С.А. Муратов. – М.: Искусство, 1983. – 159 с.
 27. Олешко, В.Ф. Журналистика как творчество: Учебное пособие / В.Ф. Олешко. - М.: РИП-холдинг, 2003. – 256 с.
 28. Парфенов Л., Чекалова Е. Нам возвращают наш портрет: заметки о телевидении / Л. Парфенов, Е. Чекалова. – М.: Искусство, 1990. – 207с.
 29. Познер, В. «Познер» (06.04.2015) [Интервью с митрополитом Илларионом, видео] / В. Познер. Режим доступа <http://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-mitropolit-ilarion-pozner-vypusk-ot-06-04-2015>
 30. Познер, В. «Познер» (10.10.2016) [Интервью с Сергеем Шнуровым, видео] / В. Познер. Режим доступа <http://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-sergey-shnurov-pozner-vypusk-ot-10-10-2016>
 31. Познер, В. «Познер» (06.02.2017) [Интервью с Анатолием Максимовым, видео] / В. Познер. Режим доступа <http://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-anatoliy-maksimov-pozner-vypusk-ot-06-02-2017>
 32. Познер, В. «Познер» (24.04.2017) [Интервью с Асламбеком Аслахановым, видео] / В. Познер. Режим доступа <http://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-aslambek-aslahanov-pozner-vypusk-ot-24-04-2017>
 33. Почепцов, Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г.Г.Почепцов. М.-Киев: Рефл-бук, Ваклер, 1999. - 350 с.
 34. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г.Почепцов. М.-Киев: Рефл-бук, Ваклер, 2001. - 654 с.

35. Прикладная конфликтология для журналистов / Составитель М. Мельников. – М.: Права человека, 2006. – 158 с.
36. Пронин, Е.И., Пронина, Е.Е. Медиапсихология: новейшие информационные технологии и феномен человека / Е.И. Пронин, Е.Е. Пронина // Общественные науки и современность №2, - Изд-во Моск. ун-та, 2013. - С. 151-162
37. Пронин, Е.И. Психологические проблемы современной журналистики /Е.И. Пронин // Вестник Московского университета №3, серия 10: Журналистика. - Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 54-59.
38. Пронина, Е.Е. Психология журналистского творчества / Е.Е. Пронина.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. -320 с.
39. Прохоров, Е.П., Пшеничный, Г.М., Хруль, В.М. Правовые и этические нормы в журналистике / Е.П. Прохоров, Г.М. Пшеничный, В.М., Хруль. - М.: Аспект-Пресс, 2004. – 215 с.
40. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова – М.: Советская Энциклопедия, 1985. – 1600 с.
41. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие / А.А. Тертычный. - М.: Аспект Пресс, 2000. – 328 с.
42. Тертычный, А.А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход / А.А. Тертычный. - М.: Гендальф, 1998.- 254 с.
43. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», 1935. - Т. I.
44. Хасан, Б.И. Психология конфликта и переговоры / Б.И. Хасан. - Москва: Издательский центр «Академия», 2007. - 192 с.
45. Хасан, Б.И. Конструктивная психология конфликта / Б.И. Хасан. – СПб.: Питер, 2003. – 250 с.
46. Хасан, Б.И., Сергоманов, П.А. Разрешение конфликтов и ведение переговоров / Б.И. Хасан, П.А. Сергоманов - Красноярск-Москва, 2001. - 124 с.

47. Цвик, В.Л. Телевизионная журналистика / В.Л.Цвик. - М.: Прогресс, 2002. -124 с.
48. Шостак, М.И. Журналист и его произведение / М.И. Шостак. - М.: ТОО «Гендальф», 1998. - 96 с.
49. Шостак, М.И. Репортёр: профессионализм и этика / Шостак М.И. - М.: Издательство «РИП-холдинг», 2003. – 198 с.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт экономики управления и природопользования
институт
Кафедра управления человеческими ресурсами
кафедра

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
И.П.Воронцова
подпись инициалы, фамилия
« » 20 17г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Интервью как конфликтная конструкция
тема

37.04.01 Психология

код и наименование направления

37.04.01.03 Конфликт-менеджмент

код и наименование магистерской программы

Научный руководитель к.псих.н., доцент
каф.управ. чел. ресурсами Т.И. Юстус
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник А.С. Глушкова
подпись, дата инициалы, фамилия

Рецензент к.псих.н., доцент каф. психологии
развития и консультир. К.С. Калиновская
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Красноярск 2017